

СМЕРШ —
спецназ Сталина

СВЯЗНОЙ

Евгений Сухов

СМЕРШ – спецназ Сталина

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

СВЯЗНОЙ

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сухов Е. Е.

Связной / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2016 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-699-91862-1

На допрос к начальнику 3-го отдела СМЕРШ доставили арестованного немецкого диверсанта Николая Зотова. Предатель сообщил, что в ближайшее время немцы планируют выбросить двух диверсантов у железнодорожного узла Люберцы. Так и случилось. Контрразведчики получили информацию о пролетевшем над лесом самолете ЛИ-2, а затем – о появлении в городе двух странных сержантов. Диверсантов схватили. Одного пришлось расстрелять, а второй – Копылов – согласился сотрудничать. Он оказался радистом фашистской диверсионной группы, и смершевцы решили поиграть с немцами в «радиоигру»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91862-1

© Сухов Е. Е., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	35
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Евгений Сухов

Связной

© Сухов Е., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава 1

Попались, голубчики!

Дверь открылась, и в кабинет к начальнику третьего отдела государственного управления контрразведки «СМЕРШ» полковнику Утехину седой старшина доставил арестованного.

– Побудь пока за дверью, – распорядился полковник, – когда будешь нужен, позову. А ты, – обратился он к арестованному, – садись вот на этот стул.

Арестованный сел на указанный стул, положив на стол большие крепкие руки, сцепленные наручниками. Был он высок, крепок. Взгляда не прятал, смотрел прямо, ожидая вопроса. В нем не было ничего такого, что могло бы вызвать антипатию, скорее наоборот, его внешность была весьма располагающей. Такие люди умеют нравиться, легко входят в доверие, и немецкое руководство прекрасно разбирается в людях, зная, кого следует отправлять за линию фронта. Диверсанту было под силу влюбить в себя неискушенную девчонку, найти кров у обездоленной вдовы, истосковавшейся по мужскому вниманию. У мужчин его внешность также вызывала расположение: выглядел он мужественно, руки имел сильные, привыкшие к тяжелой работе. От его облика так и веяло надежностью.

Арестованный чуть распрямил спину. Вот она и проснулась, спесь. Парню совершенно невдомек, что достаточно полковнику щелкнуть пальцами, как от его горделивой осанки останется только сгусток боли.

Пока не стоит горячиться, все зависит от того, как сложится разговор. Утехина заверили, что арестованный будет покладистым. Но для начала собеседника нужно к себе расположить, даже если это матерый враг. Пусть расслабится, почувствует себя в безопасности, а там и уязвимое место найти нетрудно.

Диверсант смотрел прямо в лицо Утехину, ожидая вопроса, и он последовал:

- Как зовут?
- Николай.
- Фамилия?
- Зотов.
- Звание?
- Старший сержант.
- Где тебя арестовали, Зотов?
- Под Загорском. Два дня назад.
- Как попал в плен?

Неопределенно пожав плечами, диверсант заговорил прежним, слегка размеренным тоном: ни дрожи в голосе, ни страха на лице, ничего такого, что отличало бы труса от солдата. Даже странно, что такой представительный экземпляр сидит по другую сторону стола в качестве заключенного. Его легко представить в окопе с противотанковым ружьем.

- Невеселая история, можно сказать, что не по своей вине.
- Как ни послушаю, вы все не по своей вине в плену оказались. И все-таки расскажи.

– Под Гродно это было, – после некоторого молчания заговорил Зотов. – В самом начале войны. Город взяли уже на второй день, а наш гарнизон просто рассыпался по лесам, толком не знали, в какую сторону идти, всюду немцы! Потом нас человек десять осталось, на всех только два автомата, и то трофейные, в которых по несколько патронов осталось... Вышли к одному селу, вроде бы пустое, никого нет, только женщины у колодца ведрами грохочут. Ну, я и сказал двоим, чтобы сходили в село и обстановку разузнали. Вышли они на окраину села, осмотрелись, вроде бы немцев нет. Вот и машут нам рукой, подходите. Зашли мы в одну хату, чтобы несколько картофелин на брата попросить, а тут мужики со всех сторон набежали: кто с

дробовиками, кто с колунами. Понятно стало, что с такой оравой не справишься. Сказали нам: или мы складываем оружие, или они нас всех положат! Что тут делать? Отложили мы оружие в сторону, а они накинулись на нас всей гурьбой и давай дубасить чем ни попадя! Повезло мне тогда, живой остался, но голова после этих побоев месяц трещала... Потом связали нас всех и немцам передали.

– А дальше что было?

– Сначала привели в лагерь под Гродно. Потом отвезли в другой, большой очень. Назывался он фронтовой сборный пункт. Жрать нам там не давали, пить тоже... Даже не знаю, как и выжил. Судьба, наверное, многие там полегли... Дальше был пересыльный лагерь под Минском.

– Кто был начальником этого лагеря?

– Штурмбаннфюрер СС Шенеман. Меня записали в активисты.

– Что это давало?

– О! Преимущества были большие. Во всяком случае, появилась надежда выжить. Мы прошли двухмесячный медицинский и политический карантин, дальше была сортировка. Офицеров, способных к агентурной работе, отправляли в лагерь под Минск. Кавказских активистов – в особый предварительный лагерь в город Аушвиц. Уроженцев Средней Азии – в особый предварительный лагерь в Легионово.

– А ты куда попал?

– В Смоленскую диверсионную школу.

– Где она размещалась?

– В четырех километрах от города. Располагалась в бывшей машинно-транспортной станции.

– Кто был начальник школы?

– Начальником школы был зондерфюрер Обух. Та еще сволочь! Любил поговорить по душам, перековать в свою веру... И у него это получалось неплохо.

– Что его интересовало?

– Родные, биографические данные. Самолично все это записывал в личные дела.

– Как оформлялась вербовка агентуры?

– В первый же день заполняли специальную анкету, где указывали полные автобиографические данные. Потом под всем этим подписывались. Подразумевалось, что задания германского командования выполняются добровольно. Все разговоры с ним должны были хранить в строжайшей тайне.

– Как проходило обучение в вашей группе?

– Обыкновенно... Очень напоминает армию. Изучали диверсионное дело, стрелковое. Объясняли, как вести себя в тылу противника. В каждой группе два человека проходили подготовку на радистов.

– Назови преподавателей.

– В нашей группе занятие вел унтерштурмфюрер СС Шальке, а лекции читал штурмбаннфюрер СС Шлоссер.

– Как долго шла подготовка?

– От двух до четырех месяцев. У нас было два с половиной.

– Какую форму носила агентура во время учебы?

– Форму солдат войск СС, – прямо посмотрел Зотов.

– После школы куда попал?

– В «Абвергруппу-103», подчиненную «Абверу-1», немецкой военной разведке.

– Как экипировалась агентура перед заброской в глубь советской территории?

– По-разному, кто уходил в гражданской одежде, кто переодевался в военную форму.

– Какие у вас с собой были документы?

– Все зависело от поставленных задач... Справка из госпиталя, удостоверение личности комсостава, командировочные предписания, продовольственные аттестаты, выписки из приказов о переводе из одной воинской части в другую, выписки из госпиталей и отпуска после ранения, партийные и комсомольские билеты, наградные книжки, временные удостоверения о наградах. Да много чего... все сразу как-то и не упомнишь!

– Придется посидеть и подумать.

– Вспомню, – хмыкнул Зотов. – Теперь вроде бы торопиться некуда.

– Твоя задача в советском тылу?

– Их много. Внедриться на железнодорожную станцию близ Москвы. Сделать там своим, чтобы ни у кого не вызвать подозрения. А потом наблюдать за передвижениями поездов.

– На что нужно было обратить особое внимание?

– На резервы, перебрасываемые к линии фронта. Отслеживать перемещение воинских эшелонов и всевозможных грузов.

– Режим агентуры в вашей школе?

– Ничего особенного. Размещались в казармах группами и ротами. Если нам вместе забрасываться в советский тыл, так и держаться старались вместе. Дисциплина жесткая, особо не побездельничаешь. Кто не выдерживал учебу, направляли обратно в лагерь. А туда не хотелось никому... Я до войны в техникуме учился, так вот, хочу сказать, я в техникуме столько не учился, сколько в разведшколе.

– Жить, значит, хотелось?

– Поначалу жизнь-то не особенно и ценишь. Думаешь: убьют, ну и ладно! На войне к смертям привыкаешь... А вот когда судьба предоставляет шанс выжить, так уже на смерть смотришь по-другому. За малейшую возможность хватаешься, чтобы хотя бы еще денек пожить. Просто так этого не понять, это нужно пережить...

– Ты мне вот что скажи: сколько групп было заброшено во время твоей учебы и куда?

– Таких группы было три, – немного подумав, ответил Зотов. – Первая группа – обершарфюрера СС Фридриха Яроша. Но куда их забросили, я могу судить только по косвенным данным... Вся информация была строго засекречена. Группа состояла из семнадцати человек, в основном в ней были эстонцы, среди них две девушки. Одна, кстати, весьма ничего... Я полагаю, что их сбросили где-то в районе Псковской области, думаю, что для каких-то террористических акций или диверсий.

– Откуда такая уверенность?

– Скажу так... У меня с одной из девушек был краткосрочный роман. Не хочу сказать, что у нас для любви было много времени, просто несколько раз удалось остаться вдвоем, вот она мне и шепнула, что скоро отправится домой, а ее дом в Пскове!

– Понятно. А твое увлечение никто не заметил? Там с этим строго.

– Может, кто и заметил, так помалкивал. Там один пытался язык распустить, так я подловил его в сортире и так башкой о стенку саданул, что сразу мозги ему на место вставил.

– Кто руководил второй группой?

– Вторая группа – ротенфюрера СС Иоганна Брынски. В ней было человек шестнадцать. Они как-то отдельно от нас держались. В их составе было три девушки, лет двадцати – двадцати двух. Имен я их не знаю, потому что все пользовались псевдонимами.

– Чем они собирались заниматься?

– Думаю, что тоже диверсиями. Слишком много времени в обучении уделялось диверсионному делу, а потом, в соседнем лесу они так гремели взрывчаткой, как будто бы собирались приступом Москву брать, – усмехнулся Зотов. – Думаю, что они сейчас где-то на железной дороге.

– Где предположительно? – поднял полковник со стола карандаш.

– Сказать навскидку сложно, но как-то в кабинете у Брынски я заметил участок железной дороги Индра – Двинск, и, видимо, это не случайно, в последние месяцы там как раз активизировались боевые действия.

Полковник Утехин сделал несколько пометок на листке бумаги.

– Что ж, все может быть. И какая третья группа?

– Третья группа состояла из двадцати литовцев. Руководителем этой группы был штурмбаннфюрер СС Озолиньш. Держались они от нас, русских, особняком, в беседы никогда не вступали. Собственно, и мы к ним тоже с разговорами не лезли. У них на роже было написано, как они нас не любят. Мне даже порой казалось, что, была бы их воля, они бы всех нас к стенке поставили. Так что еще немцам нужно спасибо сказать, что они между русскими и литовцами были. Себя считали белой костью, все очень идейные, все советское просто ненавидели, даже на красный цвет с презрением смотрели.

– Чем они занимались?

– Все тем же, диверсионной работой! Прилежания в этом деле им было не занимать. Готовились так, как будто собирались воевать с передовыми частями советской армии.

– А может, и в самом деле с передовыми?

– Не уверен, на этот счет у меня собственное соображение имеется. Думаю, их готовили, чтобы они организовали партизанское движение. Немцы прекрасно понимали, что прибалтийские территории им не удержать, и потихонечку внедряли туда свою агентуру.

– Возможно, так оно и есть.

– Мне сохранят жизнь? – слотнув, спросил Зотов.

– Все зависит от того, как пойдет наше сотрудничество. Все сказанное мы самым тщательным образом перепроверим. Если увидим, что ты был с нами, скажу так, не до конца искренен... я ничем не сумею тебе помочь.

– Поверьте мне, я все сказал, что знал.

– Разберемся.

– И еще... Неделю назад я случайно услышал телефонный разговор начальника школы с каким-то бароном... Речь шла о том, что в Томилино, в лесной массив, завтра ночью должны сбросить двух агентов.

– Их задание?

– Они должны устроиться на железнодорожной станции в Люберцах и собирать информацию по проезжающим поездам. А также организовать диверсии на железнодорожных узлах.

– Если информация подтвердится, это тебе зачтется. – Вызвав караульного, полковник распорядился: – Старшина, уведи арестованного!

Оставшись один, он поднял трубку и набрал номер:

– Старший лейтенант Романцев?

– Так точно, товарищ полковник!

– Мне тут поступила информация, что в районе Томилино, в квадрате двадцать четыре, – это там, где лесной массив, – завтра будут сброшены два диверсанта. Их задача – организация диверсий на железных дорогах и сбор информации. Прими меры к их задержанию.

– Есть, товарищ полковник! Сделаем все как надо.

– И поаккуратнее там, мне они нужны живыми, – предупредил полковник и положил трубку.

Взглянув на настенные часы с кукушкой, висевшие над самым столом, Тихон поднялся – подошло время обхода железнодорожных путей. Привычно закинув карабин на плечо, он вышел из сторожки и неспешно зашагал по насыпи, слегка подволакивая покалеченную ногу. Несмотря на летнюю погоду, было по-осеннему свежо. Вокруг было тихо, лишь под сапогами негромко похрустывал гравий.

Ранение, полученное под Киевом в первые же дни войны, давало о себе знать при каждом шаге: раздробленная ступня болела, а кроме того, нестерпимо ныла голова – следствие тяжелой контузии.

После каждого обхода боль лишь усиливалась. Единственное, что его спасало, так это небольшой стопарик водки, после которого она как будто притуплялась, а в иные минуты даже казалось, что оставила его совсем. И только когда действие алкоголя проходило, болячки вновь напоминали о себе с новой силой.

Рука невольно потянулась к фляжке за очередной порцией «обезболивающего», но Тихон усилием воли сдержал желание, осознавая, что от обильного возлияния лучше не становится. Следовало перетерпеть и сделать следующий глоток, когда будет совершенно не в состоянии.

Работенка у него была нехитрая – обходчик железнодорожных путей, благо, что этим же ремеслом он занимался еще до войны. Так что, можно сказать, вернулся на свое рабочее место. Первое, на что обращал внимание, – это на верхнее строение пути и земляного полотна. В прошлом месяце из-за нарушения искусственного сооружения с рельсов сошел товарный поезд, и неисправность пришлось потом устранять целой бригадой. Подобные нарушения часто связаны с диверсией, а потому следовало быть настороже, в какой-то степени железнодорожные пути – тоже линия фронта. Тихон шел медленно, постукивая по рельсам молоточком, проверяя их целостность. Особое внимание уделял крепежам узлов, стыкам.

В этот день все было обычно: ровным счетом ничего такого, что выбивалось бы из нормы. Правда, ночь благодаря полнолунию была несколько светлее, что значительно облегчало работу.

Уже возвращаясь в сторожку, Тихон услышал нарастающий гул самолета. Тяжелый, протяжный, какой бывает только у транспортных самолетов. И уже через минуту над лесом появился «Ли-2» без всяких опознавательных знаков, именуемый в войсках «Дугласом». Странно было то, что этот участок дороги размещался вдали от летных трасс. Даже если самолеты и пролетали, то, как правило, на очень большой высоте, совершенно не досажая нарастающим гулом. Этот же летел буквально над верхушками деревьев, как если бы чего-то высматривал. Совершив круг над лесом, самолет вновь развернулся, словно искал подходящее место для посадки или для десантирования парашютистов. Не отыскав подходящего, полетел в глубину лесного массива. Некоторое время был слышен только гул двигателей, в зависимости от порывов ветра то резко нарастающий, а то вдруг звучавший откуда-то издалека, пока наконец не утих совсем.

Задрав голову вверх, Тихон попытался разглядеть удаляющийся самолет, но он уже исчез в черноте облаков, будто всего лишь привиделся. Странно все это...

Вернувшись в сторожку, Тихон записал в дежурный журнал о небольшом провале на железнодорожном пути, который можно было поправить собственными силами, и, подумав, написал также о странных маневрах самолета без опознавательных знаков.

Завтра об этом происшествии нужно будет сообщить в НКГБ, пусть они разберутся, что да как... Если ничего не выявится – хорошо! Но бдительность во время войны терять не следует.

Дождавшись сменщика, задержавшегося, по обыкновению, ровно на десять минут, Тихон поплелся в сторону трехэтажного желтого здания с белыми колоннами, где размещался Люберецкий горотдел НКГБ и третий отдел «СМЕРШ» по борьбе с агентурой.

– Куда? – строго спросил у него хмурого вида боец с карабином за плечами, стоявший у самого входа, когда он ступил на каменную ступень парадного крыльца.

– Мне бы к начальнику...

– Что за дело?

– Самолет тут подозрительный над лесом все летал. Думаю, что он диверсантов сбросил.

– Четвертая комната на втором этаже, – подсказал красноармеец, посчитав, что информация важная, и охотно отступил в сторону.

– Разберусь, – сказал Тихон и зашагал в открытую дверь.

Двое красноармейцев с небольшими котомками за плечами неспешно пересекли железнодорожное полотно и, поскрипывая галькой, попавшей под подошвы сапог, вышли к зданию вокзала.

Один боец был высоким брюнетом лет двадцати восьми в старой шинели и выцветшей гимнастерке. Другой – росточком пониже и белокурый – сержант лет двадцати пяти, в вылинявшей гимнастерке, на которой красовались орден Красной Звезды и медаль «За отвагу». Потоптавшись немного на перроне и раскурив по папироске, они направились к центру города.

– Служивые! – негромко окликнул их молодой безногий мужчина на костылях.

– Чего тебе? – дружно обернулись солдаты.

– Папироской не угостите?

– С превеликим удовольствием... Где ногу-то потерял? – участливо спросил белокурый, доставая из кармана галифе пачку «Казбека».

– Ах, это, – отмахнулся калека, – на Волховском фронте оставил. Осколком зацепило. Можно было ногу спасти, но как-то не до того было, немец на нас напирал со страшной силой, не было даже возможности голову поднять. Потом гангрена пошла, вот и оттяпали... Эскулапы! Ладно, что хоть живой остался.

– Тоже верно... Держи, – протянул сержант две папиросы.

– О, благодарствую! А вторую за что?

– За героизм и за то, что живой остался.

– Вот оно что... Первую папироску я сразу искурю, а вторую припрячу – не каждый день меня «Казбеком» угощают. Но я вижу, что ты сам парень геройский. Где медаль «За отвагу» получил? – чиркнул мужичок трофейной зажигалкой.

– Еще в начале войны дело было, – не сразу ответил тот.

– Видно, было за что, тогда не очень-то наградами разбрасывались, – подытожил безногий.

– Под Оршей дело было, в сорок первом, – уточнил сержант, – на Западном фронте. Против танкового взвода выстояли. Даже сам не знаю, как уцелел.

– Под Оршей? – удивленно протянул мужичок на костылях. – Уж не под командованием ли маршала Тимошенко?

– Точно так. Мы тогда предприняли наступление в Лепельском направлении, потом под Витебск отступили.

– И мы туда же! Я тогда в первой Московской мотострелковой дивизии служил. Там же и контузию получил... – Инвалид показал на две красные полоски на кителе. – Это потом меня на Волховский направили. Так вы из госпиталя?

– Из госпиталя. А как догадался? – удивился брюнет, стоявший прежде молчком.

– Ну-у, как вам сказать, глаз-то у меня уже наметан. Те, кто с фронта, выглядят по-другому.

– Это как же по-другому?

– Взгляд у них дерзкий, отвечают раздражительно, а вы вот даже папиросками угостили. А потом, они все худые, а вы, как я посмотрю, даже салыцо на щеках наели. Видно, долго лежать пришлось.

– Да уж... пришлось! Половину желудка вырезали.

– А сейчас куда?

– В комендатуру. Нужно отметить по прибытии, а дальше опять на фронт.

– Ну, ладно, служивые, потопаю я. Спасибо за табачок.

Кивнув на прощание, инвалид заковылял в сторону привокзальной площади. Уже отступив на достаточно большое расстояние, он обернулся. Красноармейцы неторопливо шагали по улице, мало чем отличаясь от таких же солдат, как и они сами. С интересом посматривали на девушек, шедших им навстречу, несколько лениво, как и следовало фронтовикам, отдавали честь тыловым офицерам, одетым в до неприличия отглаженную форму. Один из красноармейцев что-то сказал проходившим мимо барышням, и те громко и заливисто рассмеялись, привлекая к себе внимание прохожих.

Дождавшись, когда красноармейцы свернут за угол, безногий заковылял в сторону трехэтажного здания с массивными белыми колоннами.

Старший лейтенант военной контрразведки Тимофей Романцев занимал небольшой кабинет на втором этаже. Единственное преимущество от прочих комнат заключалось в том, что окна выходили на центральную улицу, особенно многолюдную по вечерам, и он, имея привычку выкуривать сигарету у окна, всегда с интересом наблюдал за прохожими. О том, что в войне наметился перелом, чувствовалось в настроении людей, в их разговорах, даже в том, как они одевались, в некоторой расслабленности, чего не было еще с год назад. И это не могло не радовать.

Сейчас старший лейтенант выкурил две сигареты подряд, но желаемое успокоение так и не пришло. А все потому, что накануне вечером ему позвонил полковник Утехин и сообщил о том, что в залесенном массиве близ поселка Томилино, в квадрате двадцать четыре, должен быть выброшен немецкий десант, который следовало «принять» живым. Времени, чтобы основательно подготовиться к предстоящей операции, не оставалось: взяв с собой взвод автоматчиков, он немедленно выехал на место. Однако самолет так и не появился, данные оказались недостоверными.

Так или иначе, день считался провальным. Целую ночь Романцев со взводом автоматчиков рыскал по лесу в надежде отыскать следы ожидаемых диверсантов и, не обнаружив таковых, не возвращаясь домой, явился утром на службу. Самое время, чтобы завалиться на постель и поспать хотя бы пару часиков, но такой возможности ему не представилось. Уже минут через сорок позвонил рассерженный полковник и спросил, почему он не докладывает о результатах задержания диверсантов. И когда Романцев поведал о своих злоключениях близ поселка Томилино, тот малость пообмяк и велел, чтобы в дальнейшем немедленно докладывал о малейших ЧП. Не исключено, что десантирование произошло на соседней площади.

Потом подходили начальники подразделений и докладывали об обстановке в районе. Собственно, город и прилегающие территории поживали спокойной тыловой жизнью, мало отличающейся от других провинциальных городов России. И все-таки не следовало забывать, что Люберцы – крупный железнодорожный узел, и противник вряд ли откажется от затеи внедрить в его персонал своего человека.

Докурив сигарету, Тимофей потушил огненный ободок о доньшко стеклянной пепельницы и отошел от окна.

Дверь после короткого стука приоткрылась, и Романцев увидел в узком проеме молодого безногого мужчину в гимнастерке и галифе, уверенно опиравшегося на костыли.

– Можно? – осторожно поинтересовался неожиданный гость, выжидательно посмотрев на старшего лейтенанта.

– У вас какое-то дело?

– Да.

– Проходите.

– Это ведь военная контрразведка? – с некоторым недоверием посмотрел безногий на эмблему танковых войск в петлицах Романцева.

– Именно так. Или вас что-то смущает?

– На петлицах у вас... танки.

– Ах, это, – понимающе кивнул Тимофей. – В прошлом году у меня на петлицах были пропеллеры... Однако это не меняет сути дела, мы все равно остаемся военной контрразведкой. Просто носим знаки различия той части, к которой прикреплены.

– Ну да, конечно...

– Садитесь. – Посетитель, поставив рядышком костыли, послушно сел. – Так что там у вас? Только представьтесь сначала.

– Меня зовут Степан Пахомович Селиверстов. Еще полгода назад рядовой пехоты.

– Два ранения? – посочувствовал Романцев, увидев знаки за ранение.

– Да, тяжелые...

– Где живете?

– На Пархоменко, четырнадцать.

– Итак, что вы хотели сообщить?

Селиверстов неуверенно поерзал на стуле, после чего уверенно заговорил:

– Минут пятнадцать назад мне повстречались двое красноармейцев...

– И что?

– Вели они себя как-то очень странно... Мне кажется, что они – немецкие диверсанты.

– Вот как? И в чем заключается эта странность?

– Ну, например, пока я за ними наблюдал, они прошли мимо двух пивных и ни в одну не заглянули.

– Может, там очередь была? – нерешительно предположил старший лейтенант.

– Да не было там никакой очереди, – в сердцах отмахнулся Селиверстов. – А если бы даже и была? Что тогда? Мы фронтовиков без очереди пропускаем. Да со всем почтением! А эти двое как будто бы избегали людных мест.

– Может, они просто покоя хотели? Знаете, все-таки фронт, передовая, мало ли, что на душе у человека творится...

– Не так это! Фронтовик хочет наболевшим поделиться, просто среди людей постоять. Гражданской жизни немного похлевать, по себе знаю. А уж там можно и на фронт! Только ведь они и на фронтовиков-то не похожи. Морды так раскормили, как будто каждый день калачи с салом жрали! У нас даже в больничках таких рож не наедают! Не наш это харч!

– Та-ак, интересное наблюдение, – согласился старший лейтенант. – Что еще заметили?

– Я тогда к ним поближе подошел и папироску у них стрельнул.

– И что?

– Двумя папиросками «Казбек» угостили... Не пожадничали. А только когда он коробочку-то с папиросами достал, я увидел на ней печать минского ресторана «Нива». Вот только откуда у них эта пачка взялась, если сейчас Белоруссия под немцами? – слегка прищурился Селиверстов.

Неужели это те самые диверсанты, которых Тимофей пытался отыскать?

– А ты глазастый, – уважительно протянул он.

– Не без того.

– Как они выглядели? – стараясь сохранять хладнокровие, спросил Романцев.

– Один высокий такой, чернявый. Жилистый очень, – принялся вспоминать Селиверстов. – На физкультурника похож. Как-то он нехорошо все по сторонам посматривал. А другой поменьше росточком, стрижка у него короткая, сам белобрысый весь, даже брови у него белевые. Такие волосы бывают, когда на солнце выгорают. На носу веснушки крупные, лыбился все время, будто бы понравиться хотел. В основном я с ним говорил, а второй все больше помалкивал. И еще тут один момент имеется...

– Что за момент? – насторожился Романцев.

– У белобрысого медаль «За отвагу» на груди висела. Говорил, что под Оршей получил в сорок первом... А только медалька-то у него не с красной лентой, как раньше давали, а на пятиугольной колодке. Новая совсем! С нее даже серебристый блеск не сошел. В сорок первом году таких не было.

– Куда они пошли?

– Куда-то к центру подались.

– Узнать их сумеешь?

– Конечно! – охотно откликнулся Селиверстов.

– Дежурный! – громко выкрикнул Романцев. На его зов, громко стуча каблуками, заторопился старшина с кобурой на поясе. – Вот что, Сидорчук, возьми с собой двух автоматчиков – и жди меня у входа.

– Есть, товарищ старший лейтенант, только я хотел доложить, что к вам посетитель пришел.

– Что еще за посетитель? – слегка нахмурился Романцев. Не самое подходящее время заниматься посетителями.

– Говорит, что по поводу диверсантов. Звать его?

– Пусть заходит, – распорядился старший лейтенант. – Вот что, Сидорчук, бери машину и автоматчиков и с товарищем Селиверстовым покружи по району, пока я тут буду разговаривать. Может, отыщете этих диверсантов. Если найдете, без меня ничего не предпринимать! – Крепко пожав руку Селиверстову, добавил: – Ну а вам, Степан Пахомович, персональное спасибо.

Кивнув, Селиверстов бойко застучал костылями, направляясь к двери. Ему навстречу вошел уже немолодой человек, лет пятидесяти, сухой, как выжженная на солнце древесина, лицо тощее, покрытое мелкими морщинами, дряблые щеки уныло обвисли.

– Можно? – спросил он, перешагнув через невысокий порожек.

– Проходите. Представьтесь, пожалуйста, – попросил Романцев, указав на свободный стул по правую сторону от себя.

– Тихон Валентинович Гаврилов. Работаю обходчиком на Люберецкой станции. Работа несложная, обхожу участок, смотрю, чтобы все было в порядке, – принялся перечислять посетитель. – Мало ли чего бывает... Может, рельс где лопнул, а может, обвал какой-нибудь произошел. Еще смотрю, чтобы все узлы в порядке были. За линией связи слежу, а то, бывает, провода обрываются... Чтобы шпалы на дрова не растаскали. А то в нашем хозяйстве и такое случается...

– Так что вы хотели сообщить?

– Ну так вот, когда я в очередной раз обход совершал, уже за полночь было, в небе самолет увидел.

– Что за самолет?

– «Ли-2».

– Откуда такая уверенность? – засомневался Тимофей.

– А как тут не узнать? – искренне удивился обходчик. – Я его по звуку среди тысяч других узнаю! На фронте я целый год механиком на аэродроме работал. Потом пришлось уйти, контузию тяжелую получил, до сих пор не могу восстановиться. Вот пришлось обходчиком устроиться. Спасибо, что взяли, не отказали... «Ли-2» даже гудит как-то по-особенному, басовито что ли, мы его на аэродроме «Дугласом» называли.

– Хорошо, – кивнул старший лейтенант. – Что там дальше было?

– Присмотрелся я к самолету, а на крыльях никаких опознавательных знаков: не то наш, не то немецкий, не то еще какой... поди разбери! Я еще тогда подумал, если самолет немецкий, чего он тогда не бомбит? А он вдруг снизился над самым лесом и стал как-то непонятно кружить.

– И что вы думаете по этому поводу?

– Это ведь военно-транспортный самолет, а не истребитель какой-нибудь. На нем ведь десант сбрасывают! Вот он за лесок улетел и кого-то там сбросил. Только я уже не рассмотрел, далековато было.

– А еще что-нибудь подозрительное обнаружили?

– Кажись, ничего более. Я потом еще раза три на обход выходил, время-то тревожное, но ничего такого не заметил.

– Спасибо за бдительность, Тихон Валентинович, – поднялся старший лейтенант. Когда гость ушел, он позвонил в оперативную часть: – В городе два диверсанта, сколько у нас бойцов сейчас свободно?

– Семнадцать человек, – уверенно ответил дежурный. – Прибыли на комплектование.

– Хорошо, больше не нужно, пусть подойдут в Красный уголок, я сейчас спущусь.

Еще через несколько минут в небольшой комнате, используемой под Красный уголок, собралось пятнадцать красноармейцев. Его встретили внимательные понимающие взгляды.

– Разбиться на три группы по пять человек. Старшими назначаются сержанты Анисимов, Круглов и Муртазин. Ищем двух сержантов-красноармейцев. Один – высокий брюнет, стриженный очень коротко, другой – поменьше ростом, белобрысый. По предварительным данным, немецкие диверсанты. Проявляйте бдительность и будьте начеку, враг вооружен и может выкинуть все, что угодно. Первая группа возьмет площадь и прилегающие улицы. Вторая – выезд из города. Третья – цементный завод с улицами, а я с остальными бойцами, как комендантский патруль, посмотрю в центре. Ну, чего сидим? Выполнять! – прикрикнул старший лейтенант.

В сопровождении двух красноармейцев Романцев шел по центральной улице, цепляя строгим взглядом каждую военную форму, оказывавшуюся в пределах видимости.

Первых трех красноармейцев они увидели около пивного павильона с кружками в руках. Прибыли явно с фронта, что было видно по их усталым осунувшимся лицам. Самый рослый из них, стоявший в центре, был гладко выбрит, а вот на щеках остальных отчетливо просматривалась трехдневная щетина. Выбравшись из-под опеки командиров в местечко, где не свистят пули и не разрываются снаряды, они чувствовали себя в относительной безопасности, посматривая на мужиков в гражданской одежде с откровенной неприязнью. На лицах так и было написано: почему мы воюем, жизни кладем, а ты за бабий подол прячешься?

Не отставляя в сторону кружки с пивом, они проводили хмурыми взглядами комендантский патруль, прекрасно осознавая, что дальше фронта их все равно не отправят. Старший лейтенант невольно отвел взгляд, встретившись с их сумрачными глазами. У парней всего-то пару дней, чтобы дождаться нового назначения, а дальше – опять передовая. Красноармейцы, закаленные боями, даже на комендантский патруль смотрят как на манекены с винтовками, годные только для того, чтобы стоять в карауле у административных зданий. И потому проверка документов не вызовет у них ничего, кроме кривых улыбок и ядовитого скепсиса. Он и сам был таковым всего-то полгода назад, пока не определили в военную контрразведку.

Уважительно козырнув, Романцев прошел мимо: пусть бойцы отдыхают. Заслужили!

Свернув на улицу Луговую, небольшую, как выдернутый из туловища аппендикс, упиравшуюся в железнодорожное полотно, старший лейтенант вдруг увидел молодых красноармейцев, стоявших у серого, промытого непогодой деревянного заборчика, и о чем-то между собой разговаривающих. Романцев даже не успел рассмотреть их лица, но каким-то чутьем вдруг сразу сообразил, что это именно те, кого они ищут.

– Будьте наготове, – не поворачиваясь, негромко произнес он. – Кажется, это диверсанты.

Бойцы не повернулись в сторону комендантского патруля – роскошь, которую могут позволить себе только фронтовики, недавно пришедшие из окопов.

– Комендантский патруль, старший лейтенант Романцев, – козырнув, представился Тимофей. – Предъявите документы.

Брюнет слегка повернулся. Мускулы на его шее напряглись, жилы натянулись до предела и грозились лопнуть, как это случается с плохо настроенным струнным инструментом. Белобрысый взирал безучастно, вот только пальцы нервно и без особой нужды отряхивали с папиросы воображаемый пепел. Он понимающе кивнул, всем своим видом демонстрируя, что подобная процедура для него привычная: прежде чем добраться в подмосковный городок, не однажды пришлось подвергнуться подобной проверке. В карман полез без особой спешки, как сделал бы на его месте всякий фронтовик, с некоторым пренебрежением ко всякому тыловому. Вытащил военный билет с вложенной в него справкой и протянул старшему лейтенанту.

Брюнет, напротив, охотно расстегнул верхнюю пуговицу накладного кармана гимнастерки и извлек из него военный билет с выпиской из госпиталя.

На первый взгляд проверяемая парочка походила на тысячи других бойцов, у которых по долгу службы приходилось проверять документы. Вот только разве что гимнастерка на них была чуток поновее, сапоги не столь разношенные, даже пилотка – не новая и не старая, но смотрелась так, будто никогда не знала пыли.

Старший лейтенант открыл военный билет белобрысого. Обложка выглядела невероятно свежо, да и сама бумага была немного иной, более качественная, что ли...

– Откуда направляетесь, товарищи? – равнодушным голосом спросил старший лейтенант, переворачивая страницу.

– В выписке из госпиталя все написано, товарищ старший лейтенант, – ответил белобрысый.

– Написано... Но мне бы хотелось услышать от вас.

– В отпуск по ранению, а через неделю в свою часть, – нахмурился сержант.

– Подлечились, стало быть, – перевернул Романцев еще одну страницу, внимательно вчитываясь в записи.

– Да, подлечились. Теперь как новенькие.

– А куда ранение получил? – посмотрел Тимофей на блондина.

– В ногу. Может, показать?

– Не нужно, – ответил старший лейтенант и положил военный билет в планшет.

– Что-нибудь не так? – встревоженно спросил белобрысый.

– Все так, товарищ Неволин, а только военный билет и выписка пусть пока у меня полечат.

– А вы, значит, товарищ Абрамов? – внимательно посмотрел Романцев на брюнета.

– Точно так, товарищ старший лейтенант.

Тимофей осторожно принялся перелистывать его военный билет.

– Уже год воюете?

– Да, с апреля сорок второго.

– И где же начинали?

– На Волховском фронте.

– При товарище Мерецкове?

– Именно так. А вы там бывали?

– Доводилось. Вот только что это у вас у обоих скрепки блестящие на военных билетах? – неожиданно спросил Романцев.

– А нам почем знать? – удивился белобрысый. – Ведь не мы же их себе выписывали. Какой дали, такой и взяли.

– Разумеется, вам выписывали... А вот я сейчас вам объясню, – поучительным тоном сказал старший лейтенант, посмотрев на патрульных, предусмотрительно отступивших на шаг. Теперь под их прицелом находились оба задержанных. Парни стояли грамотно, указательные

пальцы покоились на спусковом крючке, в любую секунду они готовы вскинуть автомат. Вот один из них слегка качнул автоматом в сторону брюнета: можно не сомневаться, что в случае сопротивления «красавчик» умрет первым. Служба в комендатуре не прошла для них бесследно. – На советском военном билете скрепки из простого и недорогого металла, непригодного для фронта. Из него лишь крыши латать да вот еще набойки на сапогах делать. А такой металл, как этот, блестящий да красивый, идет на фронт! Из него льют стволы для пушек, чтобы они точнее били врага. Вот только в Германии этого почему-то не знают и делают из него скрепки на военных билетах для своих диверсантов. И еще, в апреле сорок второго Волховский фронт был упразднен, поэтому руководить им Мерецков в это время никак не мог. Фронтвик это должен знать! Руки! – мгновенно выдернул старший лейтенант из кобуры «ТТ», заметив, как слегка распрямылся белобрысый. – Выше подними!

Задержанные послушно вскинули над головой руки.

– Вы еще извинитесь за этот произвол, – пообещал чернявый.

– Вот даже как, – внимательно посмотрел на него Романцев. – Сержант, – обратился он к стоявшему рядом красноармейцу, – свяжи им руки.

– Есть, товарищ старший лейтенант! Не впервой! – Сержант подступил к брюнету и строго скомандовал: – Руки за спину! – Когда тот повиновался, ловко обмотал ему запястья веревкой, затем столь же расторопно связал белобрысого. – Ну что, попались, голубчики! Потопали! Чего стоим?

В этот же день Романцев привел Селиверстова в свой кабинет для опознания диверсантов. Посадил рядом с собой.

– Сидорчук, давай за задержанными. Произведем опознание.

– Есть, товарищ старший лейтенант, – охотно отозвался старшина и быстро вышел.

Еще через несколько минут в сопровождении часового он привел задержанных Абрамова и Неволлина.

– Что скажете, товарищ Селиверстов? – обратился Романцев к инвалиду. – Они это или какие-то другие?

– Они самые! – скрипнул тот зубами. – Я этих фашистских тварей и через двадцать лет узнаю!

– Что же ты нас «фашистскими тварями» называешь, браток? – обиделся белобрысый. – Мы ведь тебя папиросами угостили.

– А только твой табачок-то на немецкой фабрике сделан!

– Вижу, что вы признали друг друга. Это хорошо. Признание будете делать? – посмотрел Романцев на диверсантов.

– Нам не в чем признаваться. Мы – бойцы Красной армии, – уверенно ответил блондин.

– Вижу, что разговор у нас пока не клеится, – с некоторым сожалением произнес старший лейтенант. – Ладно, у нас будет еще время поговорить. Старшина, уведи их. А тебе спасибо, солдат, за помощь.

Оставшись один, Романцев позвонил полковнику Утехину:

– Здравия желаю, товарищ полковник! В Люберцах мы задержали двух диверсантов. Не исключено, что это те самые, которые должны были десантироваться в двадцать четвертом квадрате.

– Все возможно... Ты их разговорил? – спросил полковник.

– Пока молчат.

– Вот что, старший лейтенант, у нас нет времени, чтобы дожидаться, когда они наконец соизволят разродиться. Идет война, каждый день гибнут люди, поторопи их! Или не знаешь, как это делается? Прими самые жесткие меры, никто тебя за это ругать не станет!

– Я все понял, товарищ полковник, – живо отозвался Романцев.

– Вот и славно, жду от тебя подробного доклада.

Подняв телефон внутренней связи, Романцев спросил:

– Что там с диверсантами, Сидорчук?

– Сидят, как кроты, – весело отозвался старшина. – Каждый в своей камере.

– Собери их в одной, – распорядился старший лейтенант, – я сейчас подойду.

– Сделаю, товарищ старший лейтенант!

Поднявшись из-за стола, Тимофей быстро вышел из комнаты и заторопился в подвал, где размещались камеры. У зарешеченной двери стоял красноармеец, который мгновенно отомкнул дверь:

– Проходите, товарищ старший лейтенант.

Старшина Сидорчук стоял в коридоре и дожидался Романцева.

– В какой они камере?

– Вот в этой.

– Открывай! – распорядился Романцев.

Старшина тотчас открыл дверь, туго заскрипевшую.

В центре каменного холодного помещения стояли диверсанты и выжидательно смотрели на вошедших.

– Вы думаете, что мы здесь с вами шутить станем? – произнес старший лейтенант. – Будем ждать, когда вы соловьями запоете? Не будем, игры закончились! Ждать я не намерен. Много чести! Вы для меня – никто. Предатели родины! Грязь под ногами... Даю вам минуту... Если за это время вы не заговорите, одного из вас мы расстреляем. Если не заговорит и второй, расстреляем и его. – Посмотрев на часы, Романцев объявил: – Ваше время пошло... Пятнадцать секунд... Тридцать секунд прошло... Осталось двадцать секунд... Десять... Теперь не обижаться... Старшина, расстрельная команда на месте?

– Так точно, товарищ старший лейтенант!

– Вот этого расстрелять, – показал он на брюнета, – а этот белобрысый пойдет со мной.

Выводи своего.

– Есть!

– А этого я сам приведу.

Романцев привел арестованного в кабинет и приказал:

– Подойди к окну.

Белобрысый немедленно повиновался.

К кирпичной стене подвели брюнета с завязанными за спиной руками, потом подошел старшина с тремя красноармейцами, вооруженными карабинами, и просто скомандовал:

– Готовьсь!

Красноармейцы взяли на изготовку.

– Пли!!

Три выстрела слились в один. Брюнет, сбитый ворохом пуль, ударился о кладку и тотчас свалился на землю. Его правая нога неестественно согнулась, руки раскинулись по сторонам. Гимнастерка тотчас намочла от брызнувшей крови.

– Вот и все... У нас здесь все по-простому, – спокойно проговорил старший лейтенант. – Уговаривать не будем, вы люди взрослые.

Привычно, как это проделывали уже не однажды, бойцы уложили убитого на носилки и понесли в распахнутую дверь. Руки брюнета, безвольно свисавшие с носилок, раскачивались в такт шагов, как будто расстрелянный намеревался приподняться.

– И где его похоронят? – неожиданно спросил диверсант слегка подсевшим голосом.

– А что это тебя вдруг заинтересовало? – удивленно спросил Романцев. Белокурый лишь неопределенно пожал плечами. – Похоронных маршей не будет. Отвезут на грузовике до бли-

жайшего оврага, там и закопают. Вот и все похороны! Говорить будешь? Или опять станешь играть в молчанку?

Блондин посмотрел на пистолет в руке старшего лейтенанта и прохрипел:

– Я все расскажу.

– Вот и славно. А теперь садись.

Романцев не торопился начинать допрос: пусть диверсант поерзает на стуле, помучается сомнениями, поразмышляет о собственной незавидной участи, посмотрит через окно на кирпичную стену, испещренную пулями. А когда вконец осознает, что дальше этой стены для него дороги не существует, вот тогда можно будет и поговорить.

Он делал записи по текущим делам, вдумчиво просматривал документы, по которым следовало писать докладные; перелистывал присланные записки, а когда заметил, что задержанного изрядно приперло, отодвинул от себя бумаги и задал первый вопрос:

– Твое настоящее имя?

– Копылов Геннадий Анисимович. Меня расстреляют?

– Все зависит от твоих ответов, Копылов. Если пойдешь с нами на сотрудничество, тогда, может быть, тебя помилуют. Если откажешься... тогда у тебя нет ни малейшего шанса остаться в живых.

– Понимаю.

– Кто в вашей группе радист?

– Я.

– Когда ты попал к немцам?

– В феврале сорок второго. Сначала попал в окружение под Вязьмой. Получил тяжелую контузию. Я мало что помню с того времени. Помню только, что меня несли на руках, потом сумел как-то очухаться, оказался в концентрационном лагере для военнопленных, а немногим позже меня перевели в сборный лагерь для военнопленных под Минском.

– Что это за лагерь?

– Обыкновенный сборный лагерь для военнопленных. Начальником его был гауптштурмфюрер СС Якоб Шиллер. Тот еще тип! Музыка любил, в особенности Вагнера. Так что я эту музыку на всю оставшуюся жизнь наслушался!

– Я бы на твоём месте так далеко не заглядывал, тебе бы до завтрашнего утра дожить. Как ты попал в сборный лагерь?

– Просто жить захотелось... Нас как-то выстроили на плацу и расстреляли каждого седьмого. Я оказался шестым... А потом спросили, кто хочет послужить великой Германии. Ну, я и согласился... Нас таких с десятков набралось. Думал, что при первой же возможности к нашим перебегу, однако не все так просто оказалось. Затем переправили меня в разведывательно-диверсионную школу в местечко Яблонь.

– Где это?

– На территории Польши, близ Люблина. Красивое такое местечко, яблонь там действительно очень много. Когда деревья зацветали, так благоухала вся округа. Местечко ухоженное, живописное, со старинным замком, никогда не думал, что в таком порядке люди могут жить.

– Ближе к делу, Копылов, – перебил старший лейтенант. – Что это за школа? Кого готовили?

– Готовили агентуру, в основном из русских. Активисты размещались в бывшем замке графа Замойского. Официально школа именовалась «Гауптлагерь Яблонь» или «Особая часть СС».

– Сколько человек было в этой школе?

– Где-то около двухсот активистов.

– Кто был начальником лагеря?

– Штандартенфюрер СС Рихтер фон Ризе. Он и сейчас там служит.

– Штандартенфюрер? Однако... Большой чин! Для начальника лагеря – это нехарактерно, наверное, его начальство очень ценит. Что тебе о нем известно?

– Известно мало... Знаю, что он из прибалтийских немцев. Отлично говорит по-русски. Я бы даже сказал, что он и мыслит как русский. Но вот русских ненавидит люто! Под Кёнигсбергом у него большое имение.

– Чем вы там занимались?

– Изучали ведение разведки в советском тылу, подрывное дело, радиодело.

– Как долго продолжалось обучение?

– Мы учились четыре месяца, но некоторые до шести. Было и два месяца... Все зависело от сложности программы.

– Куда направляетесь по окончании курсов?

– В группы «Абвер-2». Мы с Абрамовым попали в «Абвергруппу-204», размещавшуюся в Харькове, где тоже проходили подготовку.

– Каков ее распорядок?

– Он мало чем отличался от Красной армии. Мы были распределены по взводам, одевались в форму красноармейцев, вооружены были советским оружием. Даже в советский тыл нас забрасывали на самолетах «Аэрофлота»! В курс обучения входили подрывное, стрелковое дело, строевая подготовка и тактика. Потом нас разбивали по группам и отправляли в командировку на советскую территорию. Группы состояли от двух до пяти человек. В каждой группе непременно должен быть радист с аппаратурой.

– Куда вас забрасывали?

– Главным образом в район Москвы и Подмосковья. Знаю, что последние несколько групп были переброшены под Ленинград. Еще две группы на Урал.

– Какова их задача?

– Совершать диверсионные акты на железной дороге и оборонных предприятиях.

– А какова цель вашей группы?

– Мы должны были обосноваться в Люберцах. Завести знакомства с персоналом железнодорожной станции, а затем установить наблюдение за продвижением воинских эшелонов по Московско-Рязанской железной дороге.

– Что еще?

– Создать резидентуру из антисоветски настроенных граждан, работающих на железной дороге, а также среди тех, кто имеет непосредственное отношение к воинским перевозкам...

– Что у тебя там еще, не тяни! Или мне клещами из тебя все вытягивать? – раздраженно проговорил Романцев, заметив в глазах Копылова сомнение.

– В ближайшее время должен десантироваться отряд, нам следует его встретить.

– Вам сообщат по рации о его прибытии?

– Да.

Тимофей Романцев вспомнил, что с месяц назад в Люберцах работала радиостанция, но запеленговать ее так и не удалось: радиопередачи прекратились так же неожиданно, как и начались. Возможно, агент что-то почувствовал.

– Еще кто-нибудь, кроме вас, здесь есть?

– Резидент... В какой-то степени мы отправлены к нему на помощь, но где он и как выглядит, мы не знаем. Нам объяснили, что он сам нас найдет.

– С кем вы должны вступить в контакт?

– С одним чиновником... Он работает в аппарате Народного комиссариата путей сообщения. Весьма влиятельная фигура.

– Кто таков?

– Бургомистров Павел Андреевич, – ответил Копылов. – Хотели его привлечь к сотрудничеству. Его родной брат был завербован немецкой разведкой и сейчас проходит службу в «Абвергруппе-303».

– И как же вы собирались надавить на этого Бургомистрова?

– Показать фотографию его брата в военной немецкой форме. Он не посмел бы отказать в просьбе.

– Фотография при тебе?

– Да. За подкладкой гимнастерки.

– Давай ее сюда!

Вывернув наружу полы гимнастерки, Копылов нащупал небольшой картонный прямоугольник, аккуратно разодрал подкладку по швам, затем бережно извлек фотографию.

– Вот, – положил он на стол снимок.

Тимофей взял фотографию, с которой на него смотрел молодой мужчина в немецкой полевой форме армейского пехотинца и в пилотке на круглой голове. Взгляд настороженный, подозрительный, слегка затравленный. Он явно не походил на те плакатные фотографии, с которых молодые солдаты призывали соотечественников сражаться за идеалы рейха. Он был другой. Неужели этого не сумели рассмотреть сами немцы? Не было никакой гарантии в том, что парень после десантирования тотчас не явится в комендатуру. За время службы в контрразведке Романцев постоянно сталкивался с подобными случаями.

– А тебя не предупредили, что он может сдать тебя в «СМЕРШ» вместе с этой фотографией?

– Такой вариант не исключался, – сдержанно согласился диверсант. – Только ведь это еще не все. Его отец на Тамбовщине был крупным кулаком. Этот факт Бургомистров от Советской власти скрыл, а она обмана не прощает. А когда на Тамбове начались волнения, его отец примкнул к мятежникам. Есть несколько фотографий, где он запечатлен на групповом снимке с самим Антоновым.

– И где же сейчас отец?

– Неизвестно. По одним данным, он был взят в заложники подразделениями Тухачевского и расстрелян. По другим – перебрался куда-то в Сибирь. А вот один из его сыновей сумел сделать весьма неплохую карьеру в Наркомате путей сообщения.

– Каким образом вы должны были передавать добытые сведения?

– По радиосвязи в разведцентр.

– Когда ближайший сеанс?

Копылов посмотрел на настенные часы и сказал:

– Через тридцать минут...

– Где находится рация?

– В лесу, я ее надежно спрятал.

– Когда резервный сеанс?

– В это же время, через сутки.

Романцев достал папиросу, пустил прямо перед собой облако серого дыма. Еще через секунду оно уменьшилось в объеме, сделалось прозрачнее, а потом, вытянувшись в длинную кривую змейку, потянулось сквозняком в сторону окна.

Времени было достаточно, чтобы подготовиться к следующему радиосеансу. С немцами можно устроить радиоигру: для начала радист сообщит о своем благополучном приземлении, а потом можно будет подсунуть дезинформацию о переброске советских войск и военной техники. Немецкое руководство должно по достоинству оценить расторопность своих воспитанников.

– Думаешь, они тебе поверят, если ты запоздаешь с радиосвязью? – осторожно спросил он, взвешивая все шансы «за» и «против».

Затяга выглядела весьма привлекательно.

– В нашей ситуации может случиться всякое, – разумно заметил Копылов, – поэтому и дается запасное время для выхода на связь. А потом, немцы мне доверяют...

– Чем это ты заслужил такое доверие? – стараясь скрыть откровенную неприязнь, спросил Романцев.

– Тут другое... Я ведь сам с Белоруссии, из оккупированной территории, и, по их разумению, должен вести себя примерно, потому что мать с отцом в Барановичах в качестве заложников остались. Правда, батя у меня своенравный мужик, Советскую власть не привечал. До сих пор удивляюсь, как его в лагерь не отправили...

– Было за что?

– Тут за один язык могли в Сибирь отправить! В нашем районе после двадцатых годов только одна церквушка осталась, да и ту потом разрушили. Вот он однажды при всех и сказал: «Пришли Советы, так даже помолиться негде!»

– А он верующий, что ли?

– Как сестра померла пять лет назад, очень сильно уверовал.

– А к немцам он как?

– А никак! Не скрою, немцев ждали. Всем хотелось каких-то перемен, потому что жилось очень плохо. И тут они объявились... Только хуже стало! Было одно ярмо на шее, а теперь сразу с пяток повесили. И если прежде свои как-то погоняли, так теперь еще и чужие. Признаюсь, у него на немцев большие надежды были, рассчитывал, что будет так, как при царе-батюшке. Он ведь зажиточным крестьянином считался. Мельницу имел... К нему со всей округи приезжали. А при Советской власти мельницу разрушили, только одни камни на берегу остались.

– А как он немцев встретил?

– Так же, как и многие у нас на селе... С почетом! Немцы приехали на мотоциклах, на машинах. А с ними бабы расфуфыренные были... Жены, наверное. Детишки с ними... Тут поселковые выскочили и орут: «Панночки приехали! Панночки приехали! Теперь жизнь наша наладится, совсем другой станет». Народ к ним навстречу вышел, и отец мой вместе с ними: в руках полотенце, хлеб-соль. Некоторые икону несли... А они построили всех, штаны сняли, облили всех из своих шлангов с головы до ног, похотали, сели на свои мотоциклы и укатили... Вот такие нынче развлечения у новой власти. Поди пойми их шутки! Возможно, что в Германии это и смешно, вот только старикам и старухам, что вышли их встречать, как-то не до смеха было. Многие после того случая как-то сразу разочаровались в новой власти.

– Твой батя тоже?

– Он – один из первых.

– Интересные ты вещи рассказываешь, Копылов.

– Когда меня в разведшколу направили, так много пришлось о себе рассказать, о семье, об отце. Проверить им было несложно. Вот они и решили, что я именно тот человек, который им нужен.

– Ладно, разберемся, что к чему, – буркнул Романцев. – Караульный! – Когда в дверях предстал рослый красноармеец с карабином за спиной, он скомандовал: – Вот что, сержант, позови трех автоматчиков. Пусть обождут у входа.

– Слушаюсь! – взял под козырек дежурный и вышел из кабинета.

– Ну, чего сидишь? Поехали за рацией! Далекотуда?

– На машине где-то минут сорок будет.

До леса добрались за сорок пять минут. «Хорьх-108» показал себя с лучшей стороны. Дважды он мог крепко завязнуть в грязи, но всякий раз, напрягая цилиндры, выбирался из ямы. Далее двигались по едва заметной проселочной дороге, пока наконец Копылов не объявил:

- Дальше лучше идти пешком. Машина не пройдет, там начинается густой ельник.
- Сколько идти?
- Минут десять, – уверенно произнес диверсант.
- Далековато ты запрятал, – буркнул Романцев, отирая со лба пот.

Сначала повстречалась небольшая и светлая поляна, заросшая васильками, а вот дальше частоколом начинался густой ельник. Забравшись в самую глубину, Копылов вдруг остановился у поломанной пихты и произнес:

– Вот под этим лапником, – показал он на ворох сучьев. И принялся уверенно разгребать его руками.

Ранцевый общевойсковой приемник хранился в небольшом металлическом ящике с замками. На тыльной стороне закреплены кожаные мешки, весьма удобные при транспортировке. Вес рации небольшой, килограммов двадцать. Одна из последних разработок немецкой военной радиопромышленности.

Романцев посмотрел на часы. Время для связи было упущено.

– Чего стоим? Погрузили рацию в машину и поехали.

Один из бойцов, закинув автомат за спину, аккуратно взял рацию и уложил ее на заднее сиденье автомобиля.

Глава 2

Стреляйте на поражение!

Старший лейтенант Романцев после некоторого колебания набрал номер полковника Утехина. Звонил он ему нечасто, лишь по крайней необходимости, сейчас был как раз тот самый случай. Столь значительные и осведомленные диверсанты попадались редко, вне всякого сомнения, немцы им доверяют, именно поэтому возложили на них серьезные задачи.

Представившимся шансом следовало воспользоваться.

Так уж сложилось, что с Утехиным Георгием Валентиновичем у Тимофея Романцева сложились особые отношения – именно он полтора года назад привел его в Особый отдел НКВД двадцать третьей армии Северного Ленинградского фронта, откуда Тимофей впоследствии перешел в «СМЕРШ».

– Слушаю, – прозвучал ровный голос Утехина.

– Товарищ полковник, это вас старший лейтенант Романцев беспокоит.

– Так... Что у тебя?

– Я по поводу диверсантов... Одного пришлось ликвидировать...

– Причина?

– Идеиный оказался. Не хотел говорить. К сожалению, по-другому было нельзя. Зато второй после показательного расстрела разговорился.

– Что он сказал?

– Рассказал про Бургомистрова, который работает в Народном комиссариате путей сообщения...

– Что с ним не так? – перебил Утехин.

– Его родной брат был завербован в плену немецкой разведкой и сейчас находится в «Абвергруппе-303».

– Что ж, информация полезная, – в задумчивости проговорил полковник. – За ним ничего такого не наблюдается, он на хорошем счету, но присмотреть за ним стоит. Что еще?

– Мне думается, что второго диверсанта можно использовать для дезинформации немцев.

– Вот что, Тимофей, ты буквально застал меня врасплох. Я сейчас убегаю на совещание к начальнику Главного управления контрразведки, а как приеду, так мы с тобой поговорим об этом более обстоятельно. Ты вот что, давай подъезжай ко мне. Думаю, что, когда ты приедешь, я уже буду на месте. Абакумов не любит долгие совещания.

– Понял, товарищ полковник, – охотно отозвался Тимофей, – уже выезжаю!

Сначала следовало заехать домой – предупредить Зою. Возможно, придется задержаться в Москве (помнится, три месяца назад приехал в наркомат всего-то на два часа, а пришлось остаться на целую неделю). И дело тут даже не в подписях и согласованиях, которые приходится дожидаться довольно длительное время, просто возникают вопросы, решаемые непосредственно в главке.

Закрыв кабинет на ключ, Романцев вышел из здания, где у крыльца стоял трофейный «Хорьх-108». Машина перепала ему полгода назад при отступлении немцев и принадлежала штабному полковнику вермахта. Бросив впопыхах автомобиль, застрявший в лесу, полковник пересел на танк, посчитав, что в боевых условиях броня будет надежнее. Собственно, подобная предусмотрительность спасла ему жизнь. Наверняка он сожалел о фотографиях, оставленных в отсеке для перчаток, на которых была запечатлена его многочисленная семья: четверо мальчиков и три девочки. Жена была миловидная, но немного располневшая. Немцы предпочитают именно таких. Со снимков, сделанных где-то в гористой местности на фоне большого

дома, смотрела счастливая улыбающаяся семья. Вряд ли жена и дети подозревали о том, что только случайность помогла полковнику выжить. Но, как бы там ни было, автомобиль исправно продолжал служить советскому офицеру, как совсем недавно – немецкому полковнику.

Устроившись в мягком высоком кресле, старший лейтенант повернул ключ зажигания. По проводам пробежал электрический разряд, и машина тотчас завелась, пустив клубы черного дыма. Возможно, что кому-то такой автомобиль покажется большим и тяжелым, но Тимофей полюбил его тотчас, как взял в руки плетеный руль. Пожалуй, лучше этой машины в прифронтовых условиях подобрать трудно. Восемнадцатидюймовые колеса уверенно набирали скорость и, въехав на бездорожье, легко преодолели наезженную промоину. С такой машиной без особых сложностей можно и до Берлина добраться. Знай себе, дави на газ!

Тимофей подъехал к школе, оставив машину у самых ворот, к ней тотчас подбежала вездесущая ребятня и принялась с восторгом осматривать автомобиль.

– Дяденька, прокатишь? – спросил самый шустрый из них, паренек лет четырнадцати.

Дашь этим пацанам волю, так они на шею сядут, так что следовало приструнить.

– Разумеется... до самой милиции! – охотно отозвался Романцев, строго посмотрев на паренька. – Ты мне вот что скажи, Зоя Михайловна в каком кабинете?

– А вы ее муж? – с интересом спросил паренек.

– Угадал.

– Ух ты! Она в девятнадцатом. Только сейчас у нее урок идет.

– А ты почему не на уроке?

– А мне неинтересно, в следующий раз пойду.

Романцев невольно задержал взгляд на пареньке. Наверняка вся школа считала его озорным и бедовым, но вот только из таких хулиганистых пацанов получают самые отчаянные бойцы.

– Смотри, больше не прогуливай, а то ведь можно и вылететь из школы. А нам в светлом будущем нужны образованные люди. А то, может, в НКГБ пойдешь? Шпионов будешь ловить.

– Я подумаю, – крикнул паренек в спину удаляющемуся Романцеву.

Поднявшись на второй этаж, старший лейтенант без труда отыскал девятнадцатый кабинет – из-за двери пробивался знакомый голос суженой, кажется, она рассказывала про нашествие Наполеона на Москву. По телу растекалась теплота, прежде ему не доводилось слушать ее уроки, а знал он ее иной – нежной, мягкой, никогда не повышающей голоса.

Приоткрыв дверь, Тимофей увидел Зою, стоявшую у доски. Она тоже заметила его и слегка смутилась. Стараясь скрыть некоторую растерянность, обратилась к школьникам:

– Вы тут посидите тихо, я приду через минуту, – и уверенной походкой быстро вышла из класса.

– Что-нибудь случилось? – встревоженно спросила Зоя.

Вот она, его суженая: желанная, милая, уютная. Лицо слегка встревоженное, немного сконфуженное, на щеках небольшой румянец. От нее пахло домом, сдобными пирожками и кулебяками, которые она выпекала необычайно вкусно, а еще легким ароматом духов «Красная Москва», подаренных ей на день рождения.

Хотелось произнести что-то ласковое, доброе, признаться в том, как она ему нужна, рассказать, как он ее любит, вот только подходящие слова отчего-то не находились, так и лезла на язык банальность из прочитанных романов.

– Все в порядке, – улыбнувшись, ответил Тимофей. – Просто захотелось тебя увидеть.

– Неужели соскучился? – Ее голос прозвучал слегка игриво.

– Есть такое дело. – Рядом с женой он забывал обо всем на свете. Даже здесь, в стенах гулко прохладного школьного коридора, чувствовал себя в ее присутствии невероятно уютно. – Все так... Вот только сегодня я уезжаю в Москву.

– Надолго? – с тревогой спросила Зоя.

– Думаю, что нет. В крайнем случае переночую в Москве. Так что придется тебе ночевать без меня.

В классе нарастал гул. Воспользовавшись отсутствием учителя, школьники сполна вознаградили себя за вынужденное молчание. Среди многих голосов выделялся один – ломающийся басок, явно претендующий на всеобщее внимание.

– Валька шалит, – растерянно произнесла Зоя. – Бедовый мальчишка растет. Вот вернусь в класс, я ему задам! Хотя строго с ними тоже нельзя... В прошлом месяце у него отец погиб.

Ее растерянность усиливалась: Зоя не терпела расставаний, даже если приходилось разлучаться всего-то на день. Сейчас она напоминала беззащитную девочку, которую хотелось утешить, и руки сами собой потянулись к ее ухоженной головке, коснувшись мягких каштановых волос, Тимофей притянул жену к себе.

– Не надо, – смущенно воспротивилась Зоя, – ведь здесь же школа. Могут увидеть.

– Неужели я не могу обнять свою законную жену? – вполне искренне удивился Тимофей.

– Как-то неудобно, – все-таки сумела высвободиться из его объятий Зоя. – Мне нужно идти, а то ребятня совсем расшалилась, в соседней комнате кабинет директора, неловко получится, если он выйдет их успокаивать. Давай сделаем вот что: возвращайся поскорее из Москвы, и мы все с тобой наверстаем... что упустили за это время.

– Хорошо, договорились, – не без сожаления сдался Тимофей. – Пока, – чмокнул он жену в щеку и уверенным шагом заторопился по коридору, гулко отсчитывающего его быстрые шаги.

– Тимофей! – неожиданно позвала Зоя.

– Да? – обернулся Романцев.

– Ты береги себя. У меня, кроме тебя, больше никого нет. Если с тобой что-нибудь случится, я этого не переживу.

– Все будет хорошо, Зоя, – попытался заверить Тимофей. – Не переживай.

Тимофей Романцев проехал по улице Дзержинского, где размещалось Главное управление контрразведки «СМЕРШ», и повернул в сторону Замоскворечья. Машину он оставил неподалеку от красивого пятиэтажного здания с колоннами, в котором располагалось одно из подразделений третьего отдела «СМЕРШ». Таких зданий в столице не одна сотня, особенно много их в Замоскворечье, богатом на разного рода греческие изыскания. А этот когда-то принадлежал графу Карницкому, нередко бывавшему по службе в Москве. Граф посетил свой дом в последний раз перед самой революцией, в семнадцатом году, потом эмигрировал, так что офицеры «СМЕРШа» чувствовали себя в брошенном доме по-хозяйски. В опочивальне графа, где сохранился итальянский паркет из широких дубовых плашек, теперь размещался кабинет полковника Утехина.

Показав удостоверение часовому, стоявшему у самого входа, старший лейтенант Романцев прошел в здание. Внутри было так же помпезно, как и снаружи. Противоположную стену украшали барельефы из белоснежного мрамора, в которых можно было угадать сценки из греческой мифологии. На пятнадцатиметровой высоте был закреплен живописный цветной плафон из фарфора с изображением парящих древнегреческих богов в легких хитонах. Оконный свет заливал комнаты, ярко отражался в многочисленных зеркалах и создавал иллюзию дополнительного пространства. Лестница, выложенная из белоснежного мрамора с розовыми прожилками, разбегалась от широкого пролета слегка изогнутыми крыльями на верхний этаж. На перилах возвышались вазы из оникса, невольно задерживающие взгляды.

Сотрудники деловито поднимались по лестнице, не обращая внимания ни на античные статуи, расставленные по углам помещения, ни на прочие древнегреческие изыски, что делают обычную жизнь праздной. Деловой шаг офицеров раздавался в разных концах коридора.

Старший лейтенант уверенно прошел по длинному коридору и, остановившись перед высокой дверью с большой медной ручкой, перевел дыхание. Невольно отметил, что кровь

начала бежать быстрее, едва он приблизился к кабинету Утехина. За черной дверью, где сидело высокое начальство, Тимофею приходилось бывать не однажды. Следовало уже давно привыкнуть как к разному, так и к милости, однако волнение все-таки брало верх.

Выждав секунду, Тимофей коротко постучался и вошел в кабинет.

Полковник сидел за длинным столом, поверхность которого была выложена белоснежным мрамором, и что-то энергично писал на листке бумаги. Стол красивый, дорогой, тоже, наверное, доставшийся от прежних хозяев. Утехин молча показал на стул, стоящий по правую сторону от себя, и обронил:

– Письмо нужно срочно дописать... Обожди несколько минут.

Романцев приготовился к ожиданию и принялся рассматривать лепнину под самым потолком. Наконец письмо было дописано, уложено в конверт, и полковник громко позвал:

– Прохор!

Из соседней комнаты вышел тощий и нескладный красноармеец с бугристым лицом.

– Отправь письмо в штаб фронта, – протянул Утехин конверт.

– Есть, – энергично отозвался боец и скорым шагом вышел из кабинета.

– Давно приехал? – посмотрел полковник на Тимофея.

– Только что.

– И я вот несколько минут назад... Докладывай, с чем приехал. Кто готовил диверсантов, в какой диверсионной школе они учились.

– Учились они в разведывательно-диверсионной школе «Гауптлагерь Яблонь».

– Ого! «Особая часть СС»... – понимающе кивнул Утехин. – Начальник школы – штандартенфюрер СС Рихтер фон Ризе. Лично я с ним незнаком, но слышать приходилось. Два раза он ушел у нас из-под носа... Интересная, надо сказать, личность, все жду случая познакомиться с ним поближе.

– Потом они попали в «Абвергруппу-204» и были переправлены в Люберцы. Ну, а здесь мы их и приняли. Задач у диверсантов несколько. Первая – они должны создать резидентуру на железной дороге, вторая – встретить группу, которую десантируют в ближайшее время, и третья – связаться с резидентом, который действует где-то в нашем районе. Кто он такой и как выглядит, они не знают, резидент должен выйти на них сам.

– Вижу, ты хорошо поработал... – удовлетворенно проговорил Утехин. – Я недавно пришел с расширенного совещания у Абакумова. Виктор Семенович сказал, что в последнее время в Московской области весьма активизировалось соединение «Бранденбург-800». Весьма серьезная организация! В своих действиях для достижения цели они не знают никаких ограничений: убивают женщин, детей, пытают пленных... Как правило, в плен не сдаются, если есть угроза такового, применяют яд. В ней действуют очень подготовленные агенты, просто так туда не попадают. Командир этого соединения – генерал-майор Александр Пфульштайн. Мне приходилось с ним встречаться еще до войны... так что имею о нем собственное представление. Трудно найти человека, который бы так ненавидел Советский Союз, с выбором командира руководство абвера не прогадало. У нас есть информация, что они собираются забросить к нам в тыл в район Люблино большую группу агентов, и среди них будут питомцы барона фон Ризе. Люблино – это ведь твой участок?

– Так точно, товарищ полковник.

– Так что держи ухо востро... В их задачу входит подорвать оборонительные сооружения, в том числе мосты, по которым мы планируем подтянуть к фронту резервы. Задача по их выявлению предстоит непростая. Раньше они брали в свое подразделение исключительно немцев, сейчас привлекают белоэмигрантов и вербуют красноармейцев из лагерей, способных к агентурной работе. Есть сведения, что три такие группы уже находятся на территории Московской области. Готовится что-то крупное, возможно, немцы рассчитывают взорвать стратегически важные объекты. Вот я и думаю, а не связаны ли твои двое с «Бранденбургом-800».

– Думаю, что нет, товарищ полковник, они прибыли из абвера.

– Здесь все сложнее, старший лейтенант, – постучал карандашом по столу Утехин. – «Бранденбург-800» нередко проводит диверсии и разведку по заданию абвера. Берутся за такие задания, на которые абвергруппы просто не способны. Я вот вспоминаю случай, произошедший на Северном Кавказе во время нашего наступления. Около сорока диверсантов в форме бойцов Красной Армии проникли каким-то образом в наш тыл и взорвали мост в районе Минеральных Вод, чтобы сорвать организованный отход наших войск. Тогда немало бойцов погибло.

– Их сумели изловить?

– Не всех... Большая часть растворилась среди отступающих... Другая группа захватила мост под Пятигорском и успешно удерживала его до прихода немецких танковых частей. Все это на моих глазах происходило, я тогда был откомандирован в Северо-Кавказский округ. Так что у меня с «Бранденбургом-800» старые счеты... И знаешь, кто руководил этими операциями?

– Нет.

– Штандартенфюрер СС барон Рихтер фон Ризе. Он тесно связан с «Бранденбургом-800».

– Ах вот оно что.

– Такой штучный товар, как диверсанты «Бранденбурга-800», нам попались живыми всего лишь дважды. Оба диверсанта были из белоэмигрантов, очень идейные, ничего так и не сказали... Пришлось их расстрелять в назидание другим. Так что будь готов к любым неожиданностям.

– Мы готовы, товарищ полковник, у нас подготовка не хуже. Каждый боец прошел учебу в школах «СМЕРШа», неожиданностей мы не боимся.

– Очень бы хотелось взять их живыми... Какие твои соображения насчет диверсанта?

– Его стоит привлечь к радиоигре. Завтра у него резервный день в шесть часов вечера. Можно поместить его на квартиру под присмотром опытных контрразведчиков. Ведь как-то надо вычислить резидента!

– Мысль неплохая, – согласился полковник. – Правда, времени для тщательной подготовки у нас немного... но упускать такую возможность тоже нельзя... Сделаем вот что: я сейчас наведаюсь в Генеральный штаб, посоветуюсь там кое с кем, а потом решим, как нам поступать дальше. Кстати, ты где остановился? Может, дать пропуск в межведомственную гостиницу?

– Я рассчитывал завтра вернуться на службу...

– Ну что ж, желаю хорошей дороги, – сказал полковник, пожав Романцеву на прощание руку.

Тимофей вышел из кабинета и заторопился по улице, где под присмотром караула стоял трофейный «Хорьх-108». Почувствовал, что очень устал. Теперь домой, а обратная дорога всегда короче.

Полковник Утехин раздумывал недолго, накинув шинель, вышел во двор, где его дождался служебный «Форд».

– Куда ехать, товарищ полковник? – спросил сержант-водитель, когда Утехин разместился на заднем сиденье.

– Вот что, сержант, давай в Генеральный штаб!

– Есть, товарищ полковник! – охотно отозвался водитель, заводя машину.

Вчера вечером полковнику Утехину позвонил заместитель начальника Генерального штаба генерал-майор Соколовский Василий Владимирович, с которым он был знаком еще с сентября 1941 года, когда тот возглавлял штаб Западного фронта, и попросил к нему зайти, как только тот найдет время. «СМЕРШ» напрямую подчинился Народному комиссариату обо-

роны, и отношения между Генеральным штабом и военной контрразведкой были весьма тесными. Генеральный штаб разрабатывал свои многоходовые военные операции, используя при этом агентуру и разведданные «СМЕРШа», чтобы дезинформировать германскую сторону.

В этот раз планировалось нечто чрезвычайное.

Генерал-лейтенант Соколовский принял полковника в своем небольшом, но очень уютном кабинете. На стене висела большая карта, на которой красными флажками была помечена линия фронта.

– Может, чаю, Георгий Валентинович, – предложил Соколовский, – а то на улице нынче прохладно.

– Не откажусь, – охотно ответил Утехин, вешая шинель на вешалку.

Еще через несколько минут пришел ординарец и, поставив кружки с чаем и небольшую вазочку с печеньем на стол, неслышно удалился. Пили неторопливо, вспоминая прошлые встречи.

– Ты знаешь, для чего я тебя пригласил? – неожиданно спросил Соколовский.

– Могу только догадываться, – улыбнулся Утехин, допивая чай.

– Давай подойдем к карте... Немцы планируют в районе Курской дуги провести стратегическое наступление. Название этой операции «Цитадель». Они хотят развернуться на северном и южном направлениях Курского выступа и рассекающими ударами окружить нашу группировку. Наша задача – сорвать наступление немецких войск или хотя бы ослабить их первоначальный удар с помощью неожиданной артиллерийской контрподготовки, а потом перейти в решительное наступление. Придумано даже название операции: «Полководец Румянцев».

– Вижу, что вы все хорошо продумали.

– Очень надеемся на это... Вот только немцы начинают что-то подозревать: слишком много техники стянуто на западном направлении. Твоя задача заключается в том, чтобы через свою агентуру дезинформировать немцев. Предположим, сообщить, что мы будем наступать не на западном направлении, а на Ленинградском фронте, с целью разгрома немецкой группировки армии «Север». Было бы очень неплохо, если бы часть своих дивизий они сняли с западного направления и переправили на северо-запад.

– Вчера в Люберцах были захвачены два диверсанта. Мы затеваем радиоигру. Через этот канал можно будет провести дезинформацию.

– Идея неплохая, держи меня в курсе, – попрощался Соколовский. Взглянув на массивные напольные часы, стоявшие в самом углу, добавил: – Через полчаса должен подъехать начальник Генерального штаба, вот я ему и доложу о нашем разговоре.

Вернувшись на рабочее место, полковник Утехин набрал номер старшего лейтенанта Романцева. Несмотря на поздний час, тот оказался на месте.

– Тимофей, я получил «добро» от Генерального штаба. Затевай радиоигру.

– Какое оперативное название радиоигры?

– Название? – призадумавшись, протянул полковник. – Пусть будет «Связной».

– Понял.

– Ты должен убедить немцев, что главное направление Советских войск – северное, это первое. Второе – отыщи для своего агента какую-нибудь неприметную квартиру на окраине. Пусть походит по городу, потолкается, может, на него и выйдет резидент. Но всегда держи диверсанта под наблюдением. О результатах доложишь завтра же!

Переговорив с полковником Утехиным, Тимофей вышел из кабинета и быстро спустился по лестнице на улицу. Еще через несколько минут он подъехал к зданию тюрьмы НКВД, располагавшейся на окраине города, в прежние годы здесь был мужской монастырь. Ветхий забор вокруг храма разрушили, а на его месте поставили высокий, из такого же красного кирпича,

окутав его колючей проволокой по периметру. По углам стояли караульные вышки с прожекторами, на которых бдительно несла службу вооруженная охрана. Кельи приспособили для служебных помещений, в них также размещались арестанты.

Припарковавшись подле забора, Тимофей потопал к служебным помещениям. Позвонив в железную дверь, стал ждать. Тяжелая дверь открылась, и в проеме с автоматом за плечами показался боец из взвода охраны. Показав удостоверение, Романцев представился:

– Оперативный уполномоченный контрразведки «СМЕРШ» старший лейтенант Романцев. А вот и разрешение на посещение тюрьмы... Подписано начальником отдела контрразведки «СМЕРШ» дивизии.

– Нам уже звонили по вашему делу, – уважительно отступив в сторону, сказал красноармеец.

– Вот и прекрасно. Лебедев у себя?

– Так точно, товарищ старший лейтенант!

– Проводить не нужно, доберусь сам, дорога знакомая. Ты лучше вот что сделай... приведи в комнату для допросов Копылова.

– Есть! – козырнул надзиратель.

Дорога к начальнику тюрьмы Лебедеву проходила по длинному коридору, разгороженному на отсеки металлическими решетками, в каждом из которых Романцеву пришлось предъявлять разрешение на посещение тюрьмы. Добравшись до кабинета начальника, он негромко постучал.

– Входите.

Открыв дверь, старший лейтенант вошел в тесный кабинет. В прежние времена эта была келья настоятеля монастыря. Единственное, чем она отличалась от прочих, так это несколько большими размерами, да и оконце, встроеное едва ли не под самый потолок, было немного пошире.

В комнате ничего лишнего – скромно, как у схимника. Там, где располагалось ложе, стояли три стула. Место для молитвы занимал старомодный неуклюжий шкаф, а стол размещался под самым окном, за которым сидел майор НКВД Лебедев. Вместо иконы, как и полагается, портрет Сталина. Да и сам начальник тюрьмы напоминал монаха – был сухощав, с небольшой седенькой бородкой, но выбрит наголо по армейской моде. Биография у него была богатой, в ней совершенно отсутствовала святость, и теперь он воспринимал полученную должность как компенсацию за пролитую кровь и за многие лишения, что испытал в череду последних войн.

– Старший лейтенант Романцев? – спросил начальник тюрьмы. Приподнявшись, он протянул сухую мускулистую ладонь.

– Он самый. Майор Лебедев?

– Точно так.

Романцев крепко пожал протянутую ладонь.

Майору было немногим за сорок лет, служба в армии научила начальника тюрьмы не только командовать, но и подчиняться, а за тремя небольшими звездочками на погонах молодого офицера скрывались возможности, которыми не обладал он сам. Тем более что в табелях о рангах старший лейтенант «СМЕРШ» приравнивался к званию майора в Красной Армии.

– Мне уже звонили из управления военной контрразведки. Так что я исполнил все, что полагается.

– Где у вас двор для прогулок? – посмотрел старший лейтенант в окно.

– Следующая дверь выходит во двор.

– Вам объяснили, что нужно делать?

– Так точно, уже все готово.

– Проводите.

– Пойдемте. – Майор прошел по коридору и толкнул соседнюю дверь. Взгляд уперся в каменную стену. – Это и есть двор для прогулок... Места, конечно, немного, но прогулки совершать можно.

Двор и в самом деле был небольшим – несколько десятков шагов по периметру. При действующем монастыре здесь размещались хозяйские постройки. Их снесли, остались лишь толстые каменные стены, выщербленные временем.

– Хорошо. Сейчас я пойду в комнату для допросов.

– Может, вас нужно как-то подстраховать, мало ли чего?..

– Не нужно, – заверил старший лейтенант Романцев. – Придерживайтесь плана.

– Все понял, – с готовностью отозвался майор. – Тогда позвольте, я вас провожу.

Распахнув широкую дверь, он пропустил вперед Романцева.

– Тут находятся служебные помещения, – быстрым шагом зацокал он по каменному полу. – Вот по этому небольшому коридорчику. – Остановившись у небольшой двери, подле которой стоял надзиратель, он объявил: – Мы пришли. Прошу вас!

Старший лейтенант Романцев прошел в такую же тесную комнатенку со сводчатыми стенами, из которой вышел несколько минут назад. Те же самые выщербленные красные кирпичи, толстые метровые стены с зарешеченными окнами. Единственное отличие от первой комнаты заключалось в том, что в центре был привинчен небольшой стол, за которым сидел Копылов. Увидев вошедшего Романцева, он поднялся и сконфуженно улыбнулся.

– Оставьте нас, – посмотрел Романцев на майора. – Нам есть о чем поговорить.

Едва кивнув, начальник тюрьмы вышел из комнаты.

– И как тебе здесь, Копылов? – спросил Тимофей, присаживаясь на стул с противоположного конца стола.

– Жаловаться грех, – ответил Геннадий, – прогулки каждый день. Вчера вот на ужин рыба была... Вполне сносно приготовлена. Признаюсь, даже не думал о таком отношении.

– Знаешь, что эта за тюрьма?

– Понятия не имею, – пожал плечами Копылов.

– Специальная тюрьма НКВД. Просто так сюда не попадают. Ты содержишься на облегченном режиме... Значит, говоришь, рыба была?

– Так точно!

– Это хорошо... Распоряжусь, чтобы завтра принесли яблок. Витамины тебе нужны.

– Даже не знаю, как и благодарить вас, това... гражданин начальник, – смущенно произнес Копылов.

– Отблаговаришь своим усердием. Значит, сегодня резервное время для связи? В шесть?

– Да.

– Вот что сделаем, а давай мы с тобой прогуляемся во внутреннем дворе. Что-то ты выглядишь бледновато, – сочувственно произнес старший лейтенант. – И воздух тут какой-то затхлый! Неудивительно, все-таки тюрьма.

– А нас пропустят? – с сомнением посмотрел Геннадий на Романцева.

– Не переживай, со мной где угодно пропустят, – усмехнулся старший лейтенант. – Ну, чего сидишь? Потопали! Ты по свежему воздуху не соскучился?

Вышли в коридор. Надзиратели с равнодушными лицами, завидев старшего лейтенанта с арестованным, предусмотрительно открывали двери. Вышли к короткой лестнице, выведившей во внутренний двор, и под присмотром бдительного начальника караула, молодого парня с лейтенантскими погонами, ступили на гранитную брусчатку.

Романцев задрал голову. Вверху двор был перекрыт металлической решеткой, а по периметру двора на толстых стенах с автоматами за плечами размеренно прохаживалось двое надзирателей. Все было сделано таким образом, что не возникало даже мысли совершить побег.

Наверняка заключенными, проведенными здесь не один месяц, овладевало чувство безысходности. Их можно было понять.

– И как тебе здесь? – неожиданно спросил старший лейтенант, кивнув на караул, размеренно прохаживающийся по каменной кладке. – Не тесно?

– Было бы трудновато, если бы не было никакой надежды... А так ничего, справляюсь.

Неожиданно распахнулась соседняя дверь. Четверо бойцов с карабинами за плечами под командованием строгого капитана вывели немолодого мужчину с завязанными за спиной руками и поставили у противоположной стены, на которой можно было рассмотреть отметины от пуль.

– Да, я тебе забыл сказать, – продолжал старший лейтенант Романцев. – Здесь еще приводят в исполнение приговоры. Приговоренных привозят едва ли не со всей области. Место удобное, малолюдное, не расстреливать же их в Лефортово! А здесь как-то сподручнее.

Вошел капитан и, не обращая внимания на Романцева с Копыловым, скомандовал:

– Становись!

Бойцы привычно выстроились в линию в нескольких шагах от арестованного.

– Заряжай!

– Ты знаешь, кто это такой? – неожиданно спросил Романцев, повернувшись к побледневшему Копылову.

– Ни малейшего понятия, – выдавил тот из себя.

– Вот как... А я думаю, что вы знакомы. Это ведь хозяин явочной квартиры. Надумал с нами хитрить? Но такие вещи не проходят. Война, братец! Становись с ним рядом!

– Постойте, не нужно, – вцепился Копылов в рукав Романцеву, – это не хозяин явочной квартиры, вы что-то путаете! Хозяин явочной квартиры совсем другой человек!

– Так, значит, хозяин явочной квартиры все-таки имеется? А ты нам про него ничего не рассказывал. Становись к стене, рядом с ним!.. Чего стоим? – повернулся старший лейтенант к расстрельной команде. – Связать предателя родины и к стенке!

Подскочившие красноармейцы расторопно перетянули запястья Копылова веревками, накинули ему на голову мешок и поволокли к месту расстрела.

– Позвольте, я все скажу! Я сделаю все, что нужно!

– Готовься! – привычно произнес капитан, отступив в сторону.

Солдаты вскинули карабины.

– Богом прошу!..

– Богом, говоришь... Отставить! – приказал Романцев. – Снимите с него мешок, – показал он на Геннадия Копылова. – А другого увести обратно в камеру.

Подскочивший боец сорвал с головы Копылова мешок.

– Так мы будем говорить?

– Да, – трясущимися губами произнес диверсант.

– Что ты мне забыл сказать?

– Нам показали фотографию связника, и мы должны были встретиться с ним в этот же день.

– Так почему же не встретились?

– Нас арестовали!

– Где находится явочная квартира?

– В частном доме на Приозерской, восемнадцать. Я должен был сначала постучать три раза в дверь, а когда он откроет, назвать пароль.

– Что за пароль?

– «Вам письмо от Машеньки». Ответ: «А на словах она ничего не хотела передать?»

– Твоя забывчивость чуть не стоила тебе жизни, Копылов!

– Я не забыл. Просто... просто жаль его стало. Уверяю вас, больше такого не повторится.

Посмотрев на часы, Романцев произнес:

– Жалостливый, значит... Это неплохо. Но чтобы в последний раз... А сейчас на сеанс связи. Какой у тебя позывной?

– «Бобер».

– Хм, «Бобер», говоришь? Весьма симпатичный зверь... Надеюсь, Бобер, в твоей радиogramме не будет никаких неприятных сюрпризов для нашей контрразведки?

– Не будет.

– Вот и отлично! Капитан, я забираю у тебя этого Бобра на пару часиков под свою ответственность. Не возражаешь?

– Конечно же, нет, товарищ старший лейтенант. Он ваш!

– И еще вот что, дай мне пару молодцев, пусть они проводят нас до НКГБ.

– Ерофеев, Звонарев! – окликнул капитан бойцов. – Поступаете в распоряжение старшего лейтенанта.

– Есть!

– Ну, чего застыли? – спросил Романцев. – Ведите его к машине, не за шиворот же мне его тянуть! А то, я вижу, у него ноги в землю вросли от страха. Если надумает бежать... стреляйте на поражение!

Громко стуча сапогами, прошли в кабинет. Указав Копылову на рацию, стоявшую в углу, Романцев скомандовал:

– Начинай. Посмотрим, что ты за «пианист»!

Геннадий Копылов привычно щелкнул замками, открыл корпус. Повернув большую черную ручку, включил радиостанцию. Отрегулировал амплитудный модуль, избавившись от импульсивных помех. Лампы передатчика замигали, приготовившись к работе, и он в ожидании посмотрел на старшего лейтенанта.

– Вот тебе текст... – положил Романцев перед Копыловым лист бумаги.

Прочитав содержание, тот удовлетворенно кивнул, быстро зашифровал и взялся за телеграфный ключ:

«Юпитеру. Прибыли благополучно. На явочную квартиру не пошли, хозяин вызывает подозрение. Он не похож на человека с фотографии. Сняли квартиру недалеко от железнодорожной станции. Наблюдаем за передвижением состава. Установили знакомство с двумя служащими с железнодорожной станции. Бобер».

– Готово. Вот только как по поводу знакомства с двумя служащими? Центр может потребовать серьезную информацию.

– А ты не переживай, информация будет, – усмехнулся Романцев. – И пусть знают, что вы способны устанавливать контакты со служащими, представляющими интерес для разведки. Как скоро будет ответ?

– В течение нескольких минут, как только расшифруют текст. – Прижав плотно к голове наушники, Геннадий возбужденно заговорил: – Кажется, вышли в эфир, передают мои позывные... – Взяв со стола карандаш, принялся быстро записывать на листке бумаги. – Вот, – протянул он листок бумаги.

Романцев внимательно прочитал:

«Бобру. Постарайтесь узнать о судьбе хозяина явочной квартиры. Действуйте осторожно. Расширяйте контакты со служащими железнодорожного ведомства. Юпитер».

Радиоигра «Связной» началась, и, кажется, вполне успешно.

– Уведите арестованного, – распорядился Романцев.

– Встать! Руки за спину! – приказал один из красноармейцев. Копылов поднялся, послушно сложил за спиной руки. – На выход!

Оставшись один, Тимофей поднял трубку телефона:

- Майор Лебедев?
- Он самый.
- Это старший лейтенант Романцев беспокоит.
- Слушаю вас.
- Поместите Копылова в карцер.
- Сделаем, – охотно отозвался майор.
- Пусть узнает, что такое немилость.
- Это мы умеем, – рассмеялся начальник тюрьмы.
- Не сомневаюсь. – Романцев положил трубку.

Глава 3

Что передать на словах?

Явочная квартира находилась на окраине города в небольшом деревянном доме, принадлежавшем двум семьям. Окна первой половины были крепко заколочены крест-накрест обыкновенными серыми досками и свидетельствовали о том, что хозяева съехали надолго, а вот в трех других теплился желтый свет. Судя по теням, что просматривались через занавески, в комнате находились двое. Как высказались соседи, «живет милая семейная пара, поселившаяся в доме незадолго до начала войны».

– Вот что, Сидорчук, действуем строго по плану, – произнес негромко Романцев. – Я называю пароль, представляюсь Копыловым, затем прохожу в дом. Попробую выведать у них максимум информации, а потом слегка приоткрою занавеску. Это знак! Заходите сразу, не мешкая. Кладем хозяев на пол и производим обыск. Все понятно? – строго посмотрел он на старшину.

– Вы не переживайте, товарищ старший лейтенант, – заверил Сидорчук. – Сделаем все, что нужно. Не впервой! Все бойцы проверенные, с передовой. – Не подведут! Только и вы уж постарайтесь поаккуратнее, кто знает, что там может ждать.

– Это в моих интересах – остаться в живых, – хмыкнул Тимофей. – На ближайшие пятьдесят лет у меня серьезные планы.

Он был одет по-простому и мало чем отличался от остальных горожан: на голове фуражка-восьмиклинка, чуток сдвинутая на лоб, на плечах темный просторный пиджак, черные брюки заправлены в лайковые сапоги, как того требовала мода. Встретишь такого простака на улице, так даже не обернешься. Но на душе было отчего-то беспокойно, и вот причину этой тревоги Тимофей никак осмыслить не мог. Вроде бы не в первый раз в логово к врагу, и ситуации бывали куда серьезнее нынешней, а пробирает так, что мурашки по коже.

– Ладно... Я пошел!

Приоткрыв калитку, неприятно скрипнувшую в ночи разбуженной птицей, Романцев уверенно зашагал к дому. Поднялся по дощатому крыльцу, ощутив ступенями, что одна из половиц заметно прогнулась, и, как было условлено, негромко трижды постучался в закрытую дверь.

Откуда-то появилось ощущение, что за ним наблюдают. Невольно повернулся к затемненному окну, выходившему во двор, и заметил, как слегка дрогнула занавеска. Некоторое время было тихо, погас даже свет в крайнем окне, потом вдруг в горнице послышались тяжеловатые мужские шаги.

– Кто там? – недружелюбно прозвучало из-за двери.

– Свои, – бодро отозвался Романцев, коснувшись кармана, в котором был припрятан «ТТ». Ощущение оружия придало заметную уверенность.

– Свои по ночам не шастают.

– Вам письмо от Машеньки, – назвал Романцев пароль.

– А на словах она ничего не хотела передать?

Тимофей потоптался у порога, почувствовав, что доска под его каблуками прогнулась еще больше. Не хватало еще провалиться куда-нибудь в подпол. Хозяин отчего-то медлил. Может, почувствовал неладное?

Вжикнула по металлу тяжелая щеколда, разбудив тем самым уснувшую ночь, и в приоткрытую дверь Романцев разглядел мужчину лет пятидесяти пяти, с небольшой ухоженной седенькой бородкой и густой русой шевелюрой. Взгляд у него был колючий, пронизывающий, недоверчивый, в котором угадывалась решимость к активным действиям. Таких людей следо-

вало избегать, вот только в этот раз судьба столкнула их на узкой дорожке – тут уж не разминуться, кто-то из них должен отойти в сторонку.

И хозяин дома отступил:

– Проходи. Только негоже по ночам в дверь молотить. Могут и соседи услышать, а они у нас ой какие любопытные!

Романцев перешагнул невысокий порожек, тотчас оказавшись под светом электрической лампы, буквально бившей по глазам из-под самого потолка. Впереди, отгороженная пестрой ширмой, была вторая часть комнаты, за которой улавливался нечеткий силуэт. Очевидно, там скрывалась стеснительная хозяйка. И тут Тимофей почувствовал – что-то пошло не так: не то дверь захлопнулась слишком торопливо, не то скрип половицы был слишком громкий, но когда он повернулся, то увидел перекошенное от злобы лицо хозяина, заносившего над его головой топор. Боковым зрением успел рассмотреть, что ширмочка слегка дрогнула, и в образовавшуюся щель на него взирали внимательные глаза немолодой женщины. В его распоряжении оставалась сотая доля секунды: вытащить пистолет из кармана он не успеет, отскочить в сторону – маловероятно, по сторонам громоздкие тяжелые стулья. Оставалось единственное: отклонившись назад, он ударил ногой хозяина в живот. Потеряв равновесие, тот отступил на шаг, и удар топора, рассекшего воздух, пришелся на стоявший рядом табурет. Раздался треск сломанного дерева. Вырвав из кармана пистолет, Романцев бросился на мужчину и, сбив его с ног, оседлал, ткнув ствол пистолета прямо в перекошенное злобой лицо.

Ширма распахнулась, и Тимофей увидел, как прямо на него, в черном длинном платье и в такой же черной косынке, повязанной под самым подбородком, устремилась женщина лет сорока пяти. В руках у нее было ружье, которое она держала на удивление умело.

– Назад!! Я его убью! – заорал Тимофей, пытаясь остановить женщину. И тотчас осознал, что с такими глазами не останавливаются, она уже приняла решение. В следующее мгновение картечь разнесет его голову и настигнет тело металлом. Промелькнуло сожаление по поводу предстоящей кончины. Совсем не так он рассчитывал встретить смерть! Хотел, чтобы она его подстерегла во сне и в глубокой старости. А тут придется помирать от рук обезумевшей тетки... Нескладно как-то выходило. На передовой сумел уцелеть, а помирать придется в мирном городе, находящемся за сотни километров от линии фронта. А самое скверное, что он не успел обмолвиться с Зоей. Вот сейчас высказал бы все те слова, что когда-то недоговорил и которые в полной мере раскрыли бы его сильное чувство. Ему же осталось единственное: вглядеться на черный зрачок ствола, дожидаясь огненной вспышки.

Разбуженное подсознание зафиксировало звон разбитого стекла, сыпанувшего осколками по струганому полу, и в следующее мгновение бабахнул выстрел, опрокинув женщину на стену. Какой-то момент, напоминая бабочку-махаона, прищипленного к бумаге, она стояла у белоснежной стены, распластав по обе стороны руки, а потом медленно сползла на пол, оставляя на штукатурке кровавый след.

– Суки!! Что же вы делаете! Бабу-то зачем убили?! – в истерике запричитал хозяин.

– Молчать, тварь! – наотмашь рубанул рукоятью пистолета Романцев. – Кто ты?! Кого ждал?! Говори, если не хочешь отправиться вслед за бабой! Говори! – дернул он его за отворот рубахи, тотчас разошедшейся по швам.

– Я всего лишь хозяин явки, – зашевелил разбитыми губами мужчина. – Я ничего не знаю, сказали, что должны прибыть двое, но их почему-то не было...

– Как ты догадался, что я не тот, за кого себя выдавал? – продолжал трясти хозяина за отвороты рубахи Тимофей. – Ну?! Должно быть какое-то ключевое слово? Так? Говори!

– Я видел тебя в городе в форме. Отпустите меня, я ничего не знаю, – взмолился хозяин.

– Кто тебя забросил сюда?! Как давно ты здесь живешь?!

– Я из «Абвергруппы-101», был переброшен в Советский Союз в мае сорок первого.

– Позывные твоей группы!

- «Пума» и «Аллигатор».
- Где сосредоточена «Абвергруппа-101»?
- При дивизиях и корпусах одиннадцатой армии.
- Кто проводил вербовку в вашей группе?
- Русские сотрудники. Их возглавлял ротмистр Пуллуй.
- Как ты оказался в этой группе? Твое настоящее имя?

Взгляд диверсанта остановился на убитой женщине. Сжав зубы, он негромко застонал:

- Что же вы наделали...
- Ты будешь следующий, если не скажешь. Как твое настоящее имя?!

– Я – уроженец Тирасполя, из дворян, зовут меня Василий Антонович Зеконий. В девятнадцатом году служил в офицерском батальоне Дроздовского полка. Потом перебрался в Польшу, через пять лет в Германию. Там я был завербован Пуллоем, которого знал еще по России, а затем по заданию незадолго до войны перебрался в Николаев, откуда добрался до Люберец.

- Твое задание?
- Велено было осесть здесь, на явочной квартире.

Тимофей Романцев поднялся. Его окружали примолкшие бойцы. Немного в сторонке сосредоточенно курил старшина. Двое оперативников, разбив небольшие комнаты на квадраты, проводили обыск. Подступив к шкафу с книгами, тщательно проверяли каждый лист.

- Тут, значит, остался, – хмыкнул Романцев. – И ты ни с кем никогда не встречался?
- Нет... Сказали, жди, к тебе придут.

Оперативники откинули ковер, под которым была небольшая дверца с кольцом, и подошедший старшина потянул за кольцо.

Из подвала дохнуло застоявшейся сыростью.

- Посмотри, что там, – сказал он красноармейцу, стоявшему рядом.

Подсвечивая лестницу фонариком, тот спустился вниз.

– Товарищ старший лейтенант, – прозвучал через минуту из глубины подвала молодой голос. – Тут взрывчатка!

Тимофей быстро спустился вслед за ним. В углу подвала в обыкновенном металлическом тазу были аккуратно уложены куски тола, в каждом из которых отверстие для вворачивания запала.

- Сколько же здесь килограммов? – невольно задался вопросом старший лейтенант.

– Сложно сказать, – неожиданно отозвался красноармеец. – Думаю, что килограммов сто будет. – И, подняв одну из шашек, добавил: – Вот здесь так и написано, двести граммов. Одной такой тротиловой шашкой можно железнодорожный мост повредить.

- Ты сапер, что ли?
- Так точно, товарищ старший лейтенант. Точнее, на фронте им был...
- А там что? – показал Тимофей на сундук, стоявший в самом углу. – Проверил?
- Еще не успел.
- Давай посмотрим.

Открыв крышку сундука, старший лейтенант не без удивления увидел немецкие саперные заряды «Amatol», аккуратно сложенные в ряд, весившие по одному килограмму. На упаковке запечатлен герб Третьего рейха: черный орел, держащий в лапах стилизованный венк со свастикой в центре.

Взяв тротиловую шашку, Романцев поднялся в комнату, где на стуле с завязанными за спиной руками сидел хозяин дома.

- Что это, по-твоему?
- А мне почем знать? – отвернулся хозяин. – Может, кусок хозяйственного мыла, а может, еще что-нибудь.

Пододвинув к себе стул, Тимофей сел напротив связника.

– Остроумно... Хвалю! Вот только отчего-то смеяться мне совсем не хочется. А вот я тебе сейчас объясню, что это такое... У тебя в подвале больше ста килограммов взрывчатки. Этого вполне достаточно, чтобы вдребезги разнести половину города. Откуда у тебя взрывчатка, да еще в таком количестве? – Отвернувшись, хозяин молчал. – Кого ты ждал? Диверсионную группу? – Вытащив пистолет, Романцев взвел курок и приставил ствол к его голове: – Я ждать долго не буду!

Закрыв глаза, связник спокойно произнес:

– Ну, что тянешь? Стреляй! Мне все равно конец. Так пусть он раньше придет, меньше буду мучиться.

– В машину его! У нас еще будет время с ними потолковать.

Хозяин явочной квартиры оказался куда крепче, чем можно было предположить вначале. О происхождении взрывчатки он так ничего и не рассказал, но признал, что в ближайшее время к нему должны подойти два человека, которым он обязан помочь с трудоустройством на железной дороге. Где проживает резидент, тоже не знал, лишь сообщил о том, что тот заявляется к нему не чаще чем один раз в месяц. Его хотели допросить на следующий день, но не случилось: в камере он расколотил себе голову о кирпичную стену и через два дня скончался в горячке.

Тимофей подошел к распахнутому окну. На улице хмурилось, небо заволкло темными тучами, беременными дождем, от которых так и тянуло холодом и продолжительной непогодой. Вот уже который час тучи кружили над городом, пугая грядущим проливным дождем, но, кроме раскатов грома, раздававшихся откуда-то издалека, ничего не происходило. Стылость выстудила помещение, и стало очень зябко. Передернув плечами, Романцев закрыл створки.

Сегодня он придет домой пораньше, на радость супруге. В соседнем магазине продавали шоколадные конфеты, которые Зоя очень любит, и Тимофей хотел успеть до закрытия.

Одевшись, Романцев вышел из кабинета и зашагал к выходу. В некоторых комнатах горел свет, а в дальнем конце коридора кто-то бойко отстукивал на печатной машинке.

– Вы уже домой, товарищ старший лейтенант? – вышла навстречу младший лейтенант Рита Горбунова, секретарь-шифровальщик отдела контрразведки «СМЕРШ».

Около года назад их связывали романтические отношения. Два раза, соблюдая полнейшую конспирацию, она даже переночевала в его холостяцкой квартире, оставив на подушке следы от губной помады. Помнится, отношения развивались настолько стремительно, что должны были перерасти в нечто серьезное. Но в этот момент к нему пришла настоящая любовь – Зоя, с которой он познакомился в Доме офицеров перед самым Новым годом. Хрупкая, изящная, в белоснежном платье, словно невеста, она тотчас привлекла его внимание. И когда объявили вальс, он немедленно пригласил ее на танец, опередив всех остальных кавалеров. С того самого времени они больше не расставались. Прошедшие несколько месяцев пролетели как один день, напоминая волшебную сказку. Прежде Тимофей даже не подозревал, что может быть так хорошо с любимой девушкой. А поход в кино он воспринимал как исключительное событие: забравшись на последний ряд, они безудержно целовались, забывая следить за тем, что происходит на экране. Так что последующая близость, случившаяся на второй месяц знакомства, воспринималась ими как продолжение крепкой дружбы.

Все его прежние душевные привязанности после знакомства с Зоей как-то сразу подзабылись, показались совершенно несерьезными и выглядели всего лишь подготовкой к настоящему чувству, и вот когда оно явилось, Тимофей просто затопил Зою в своей любви.

Столкнувшись с Ритой в коридоре, он невольно прислушался к себе – от прежней влюбленности не осталось и следа. Даже как-то странно, что когда-то мечталось о близости с ней.

Дело было не в Рите, в нем самом, наоборот, девушка еще более расцвела, а небольшая полнота только подчеркивали ее женственность. Впрочем, у самых глаз наметились две небольшие черточки. Помнится, раньше их не было. Но вряд ли это результат каких-то переживаний – такие морщины появляются только от смеха.

– Домой, – просто ответил Романцев.

– К жене, наверное?

– К жене, я ведь теперь семейный человек.

По слухам, Рита не осталась одна: несколько месяцев назад она сошлась с капитаном Камрановым. Только представить их вместе было затруднительно. Рита – высокая, стройная, очень видная, в чуток раскосых глазах угадывалась степная кровь. А капитан Камранов – росточка небольшого, лысоват, с заметным животиком, с настороженным колючим взглядом. Форма на нем сидела мешковато, как если бы он носил на пару размеров больше. Встречаясь с ним глазами, отчего-то становилось не по себе. Оставалось только удивляться столь странному союзу. Хотя любовь и не такие колени выдвывает!

– Бойтесь, что заругает? – улыбнулась Рита.

– Не заругает, она у меня смиренная.

– А вам, товарищ старший лейтенант, только смиренные нравятся?

– Совсем нет... Помнится, у меня была очень бойкая девушка. Она мне нравилась... Очень! Но мне известно, что сейчас она не одна и счастлива не менее, чем я.

Рита слегка нахмурилась, на самой переносице появилась небольшая морщинка.

– Кажется, я знаю эту девушку, просто... она устала быть одна. По-своему она счастлива... Ну, я побежала, товарищ старший лейтенант, мне еще в шифровальный отдел нужно зайти.

– Не смею вас задерживать, товарищ младший лейтенант, – с готовностью ответил Тимофей.

Не удержавшись, обернулся на удаляющуюся девушку. Рита уверенно прошла до конца коридора, широко распахнула дверь шифровального отдела и скрылась, даже не взглянув в его сторону.

Тимофей хмыкнул и зашагал к выходу. Все равно с Ритой ничего бы не получилось. Козырнув на прощание дежурному, он сел в свой «Хорьх-108» и покатил к дому.

Сегодня был тот редкий день, когда Тимофей приехал раньше времени. В какой-то степени для Зои его появление будет некоторым подарком. Не так уж часто они видятся в дневное время, все больше при свечах. Оно, конечно, романтично, но все-таки хотелось бы полюбоваться женой и при дневном свете, ведь она такая красавица!

Оставив машину у подъезда, он поднялся по широкой лестнице на второй этаж. Из-за двери благоухало наваристым борщом. Наверняка все соседи истекли слюной от такого знатного варева. Завидуйте, вот такая мне досталась суженая!

Как было заведено между ними, пренебрегая звонком, Тимофей негромко постучался. Дверь распахнулась сразу же, словно Зоя стояла у самого порога. Раскрасневшаяся, в цветастом переднике, она показалась ему невероятно красивой.

– Ты сегодня пришел раньше, – засветилась Зоя. – Но ничего, борщ уже готов!

– Я это почувствовал, когда подходил к дому, – заулыбался Тимофей. – Запах на весь квартал.

Пройдя в прихожую, Тимофей невольно обратил внимание на пальто, висевшее на вешалке.

– А я не одна, – неожиданно объявила жена, – ко мне пришла подруга.

– Вот как, – постарался скрыть разочарование Тимофей. Ему хотелось побыть с Зоей вдвоем, а тут такая незадача!

Шагнув в комнату, он увидел девушку лет двадцати двух – двадцати четырех, весьма привлекательную. Смущенно улыбнувшись, гостя произнесла:

– Зоя мне столько про вас рассказывала. Теперь я понимаю, что она несколько не ошибалась. Меня зовут Люся, – протянула она узкую хрупкую ладошку.

– Тимофей, – пожал Романцев пальцы, тонкие, будто веточки.

– Очень приятно было с вами познакомиться, но мне нужно идти.

– Может, останешься? – не очень уверенно предложила Зоя.

– Да, правда, – поддержал Тимофей, – и борщ к тому же уже готов.

– Знаете, в следующий раз я непременно останусь, – заторопилась к прихожей Людмила, – но сейчас мне нужно идти. Завтра рано утром я уезжаю, мама у меня прихварывает.

– Ну, если так, – развел руками Тимофей, – задерживать не смею. Все аргументы уже бессильны.

– Как-то неловко получилось, – смущенно произнесла Зоя, когда подруга ушла. – Надо было настоять, предложить чаю.

Тимофей приобнял жену. Теплая. Желанная.

– Она просто не хотела нам мешать. Мы как-нибудь обязательно специально пригласим ее в гости.

– Было бы очень здорово, – прижалась Зоя к его груди. – У меня ведь ты есть, а у нее совсем никого. Я бы пирогов напекла, солянку приготовила...

– Хорошая идея! Нужно будет определиться со временем... Ты даже не представляешь, как я по тебе соскучился! Все думал о том, как перешагну порог, как войду в квартиру, как обниму тебя...

Зоя быстро накрыла стол. Получилось очень красиво. Она умела создавать уют даже из малого. В центре в небольшой кастрюле дымился борщ, источая мясной дух. На широкой тарелке, расписанной «под хохлому», аккуратные кусочки хлеба; нарезанная селедка, до которой Тимофей был невероятно охоч, лежала горделивой барыней отдельно.

Вытащив из комода глубокие тарелки, Зоя налила в них борщ.

– Вот если бы ко всему этому еще и стопочку, – мечтательно протянул Романцев, – тогда было бы совсем хорошо.

– Ну как я могу тебе отказать? – пожала плечами Зоя, доставая из шкафа бутылку «белоголовой».

– То, что нужно, – вымолвил Романцев, наливая водку в стопку. Опрокинув ее одним махом, удовлетворенно произнес: – Вот теперь я понимаю, что такое счастье. – И принялся за борщ. – А борщ какой горячий! Это хорошо. Люблю именно такой. Ты у меня настоящая мастерица!

Зоя счастливо улыбалась и, подперев ладонью голову, с интересом наблюдала за Тимофеем, расправляющимся с борщом ложка за ложкой. Он отдувался, пыхтел, побрякивал, обмахивал себя ладонями, но приятное занятие прекращать не намеревался. А когда была проглочена последняя капля, устало откинулся на стул и произнес:

– Ух, наелся! Говорят, что переедать вредно.

– Ничего, тебе все полезно, ты еще молодой. А потом, когда ты ел в последний раз? – И заметив, как Тимофей призадумался, добавила: – Ну, вот видишь, даже и не вспомнишь.

– А ты чего не ешь?

– А я уже поужинала. Тебе ведь чай покрепче? – с готовностью спросила Зоя.

– Конечно. Ты знаешь мои вкусы.

– Посмотри, что у меня есть, – достала она из комода лимон. – Купила сегодня на базаре. И совсем недорого!

– Теперь мы шикаем.

– Вот чай с тобой я попью обязательно.

Зоя отрезала от лимона две тонкие дольки и положила их в чашки, после чего залила их свежесваренным чаем. В небольшой стеклянной вазочке лежали колотые куски сахара. Пили вприкуску, макая твердый и белый, будто мрамор, сахар в горячий чай. Слов не требовалось, достаточно было лишь смотреть друг на друга.

Когда с чаем было покончено, они поднялись из-за стола и направились в комнату с небольшой узкой кроватью, на которой им никогда не было тесно.

Глава 4

Как мой подопечный?

Едва Тимофей перешагнул кабинет, как тотчас трескуче зазвонил телефон. Подняв трубку, он произнес:

- Старший лейтенант Романцев.
- Это полковник Утехин. Уже на службе?
- Так точно, товарищ полковник!
- Когда следующий радиоэфир?
- Сегодня в шесть часов вечера.
- Очень хорошо. Возьми карандаш и записывай. В радиোগрамме должны быть такие слова...

Пододвинув к себе листок бумаги с карандашом, Тимофей с готовностью отозвался:

- Слушаю, товарищ полковник!
- «На станции Люберцы находятся два эшелона с танками. Из разговоров с машинистом выяснено, что эшелон направляется на Ленинградский фронт. В Егорьевске наблюдается значительное скопление красноармейцев. По моим данным, это 217-я пехотная дивизия. Квартируют в городе уже три дня. В ближайшее время ждут передислокации в Тихвин». Записал?

- Записал, товарищ полковник.
- Пока этого достаточно. Немедленно сообщи, как получишь ответ.

Подняв трубку, Тимофей набрал номер начальника тюрьмы НКВД:

- Как там мой подопечный, товарищ майор?
- С ним все в порядке, сидит как миленький. В штрафном изоляторе не шибко-то побалуешь.
- Я его забираю, будет находиться под нашим наблюдением.
- Хорошо, товарищ старший лейтенант. Надеюсь, бумаги будут оформлены?
- С бумагами все в порядке, они уже подписаны.
- Тогда полный порядок. Жду!

Особняк из красного кирпича на улице Московской, в котором размещалась небольшая двухкомнатная квартира, подведомственная НКГБ, находился на самой окраине города. Ходили слухи, что прежде он принадлежал самому боярину Ромодановскому, использовавшему глубокие подвалы здания в качестве пыточной. Как бы там ни было, здание стояло на отшибе и для встреч с агентами представлялось идеальным местом. Над самой крышей, расправив каменные крылья, парил двуглавый орел, символ царского самодержавия и бывшего величия империи. Судя по многим отметинам на его оперении, герб пытались неоднократно сбить, но гордая птица, не желая сдаваться Советской власти, продолжала парить и буквально выросла в каменную кладку. В конце концов символ царской власти оставили в покое, и теперь орел хмуро посматривал на всех, кто проходил в дом, покалеченным левым глазом. Видно, с Советской властью у него были собственные счеты.

Подняв трубку телефона, Тимофей Романцев произнес:

- Вот что, дежурный, позови мне младшего лейтенанта Никифорова и сержанта Муртазина.

Через несколько минут в комнату сдержанно постучали:

- Разрешите?
- Проходите!

Первым прошел младший лейтенант Никифоров. Следом, укрывшись за широкой спиной сослуживца, протиснулся Муртазин.

– Никифоров, ты бывал на Московской в нашей оперативной квартире?

– Так точно, товарищ старший лейтенант.

– Сегодня из следственного изолятора я забираю Копылова. Он будет находиться в квартире под вашей охраной. Так что, если вдруг что-то пойдет не так... Вдруг он сбежит или еще что-нибудь эдакое выкинет, с каждого из вас спрошу строго. Вам понятно?

Младший лейтенант взгляда не отвел. Сухощавое лицо вдруг разодрала неуклюжая мальчишеская улыбка:

– Так точно, товарищ старший лейтенант, никуда он от нас не денется. Не в первый же раз.

– Вот и славно, Никифоров. Возьми рацию, – показал он на компактный ящик с ремнями, стоящий в углу кабинета, – и за мной в машину, – заторопился Романцев из кабинета.

В следственном изоляторе его уже ждали. Едва он представил бумаги дежурному офицеру, как тот понимающе кивнул и произнес:

– Майор Лебедев уже ожидает вас.

Еще через несколько минут в сопровождении охраны привели Копылова. Следом, заложив руки за спину, храня на лице деловую задумчивость, протопал начальник тюрьмы.

– Теперь он ваш, товарищ старший лейтенант.

– Снимите с него наручники, – распорядился Романцев.

Один из надзирателей проворно подскочил к арестованному и расстегнул наручники.

– Даже и не знаю, кому за это спасибо сказать, – растирая занемевшую кожу, произнес Геннадий.

– Здесь спасибо не говорят, – хмуро отозвался Романцев. – Ты свои грехи перед родиной будешь замаливать. И смотри, – постучал он ладонью по кобуре, висевшей на поясе, – если надумаешь шутить, мне для тебя пули не жалко. Ну, чего застыл? Топай к двери!

Копылова повели к «Хорьху», стоявшему недалеко от ворот.

– Его на заднее сиденье, – сказал Романцев. И когда арестованного с обеих сторон зажали Никифоров с Муртазиным, продолжил: – С этой самой минуты тебя больше нет. И я вправе поступать с тобой так, как мне вздумается. Если мне не понравится твоя работа, сам знаешь, что я с тобой сделаю.

– Гражданин начальник, – едва ли не обиженным голосом ответил Геннадий Копылов, – разве ж я не понимаю? Я ведь и в разведшколу пошел, чтобы нашим помочь.

– Это о каких «наших» ты говоришь? – прищурился Романцев. – О немцах, что ли?

– Почему о немцах... о советских, – слегка оторопев, глухо отозвался Копылов.

– Слово «наши» забудь, его еще заслужить нужно.

Машина мягко тронулась, распугав стайку воробьев, слетевшихся к углу дома. А далее, набирая скорость, автомобиль выехал на проезжую часть, пересек центр города, проехал мимо горотдела НКГБ и покотился по узкой полоске асфальта на окраину.

– Вы меня что... расстреливать, что ли, везете? – хмуро поинтересовался Копылов. – А не проще это было сделать в тюрьме? К чему такие сложности? Завели бы куда-нибудь в тупичок и пальнули бы в затылок. Кровищу смыли бы водой из шланга, труп закинули бы на грузовичок, а потом скинули бы куда-нибудь в овражек.

– Спасибо за совет, – усмехнулся Романцев, – только у нас другие планы на твой счет. А расстрелять мы тебя всегда успеем! В лес едем... Передашь там радиogramму своим, чтобы никто ничего не заподозрил. Не хочется из-за случайностей «палиться». Нас ведь немцы запеленговать могут, у них тоже разведка работает. – Посмотрев на часы, добавил: – Кажется, уже время.

Далее следовала грунтовая наезженная дорога, со многими рытвинами и колдобинами. Романцев, проявляя недюжинное мастерство, притапливал газ на ровном месте, умело объезжал ухабины, притормаживал перед небольшими ямами и аккуратно пересекал выбоины, заполненные водой. Минут через десять выехали на небольшую ровную поляну, окруженную лиственным лесом. Местами пожелтевший, слегка тронутый сезонным увяданием, он выглядел немного загадочным.

– Распаковывай рацию... Держи текст... Передашь его своему командованию.

Под внимательными взглядами смершевцев Копылов вытащил из футляра рацию, накинул антенну на ветки пихты, плотно окружавшей поляну, и включил рацию. Услышав сигналы, объявил:

– Рация готова, можно передавать.

– Вот что я тебе скажу: игра пошла по-крупному, осечки быть не должно. Если что-то пойдет не так, я отвечаю погонями. А ты... собственной жизнью. Усвоил?

– Я готов к этому, гражданин начальник, – спокойно отозвался Геннадий. – И уже давно. Жаль только, что вы этого так и не поняли.

– Тогда стучи по клавишам... «пианист».

Устроившись на пеньке, Копылов поставил перед собой рацию. Стрелка замерла, будто бы в ожидании первого сигнала. Прочитав содержание текста, он быстро застучал ключом:

«Юпитеру. На станции Люберцы...»

– И еще вот что добавь... Сошелся с одной одинокой женщиной. Она работает диспетчером на станции Голицыно. Очень перспективный источник информации. В настоящее время повсюду идет обмен документов, нам нужны новые, старые не подходят. Ждем от вас продовольственные аттестаты, справку о медицинском освидетельствовании, справку об инвалидности по ранению... Записываешь?

– Да.

– Бланки командировочных удостоверений, еще нужны деньги на вербовку. Кто ты там у них, Бобер, что ли?

– Точно так.

– Вот так и подпишись.

– Все, передал, – сказал через некоторое время Геннадий.

– Будем ждать ответа, – кивнул Романцев и, осмотревшись, восхищенно воскликнул: – А красота-то какая! В такие минуты даже о войне забываешь... Птички поют. Иногда вот так, как сейчас, следует остановиться, чтобы подумать о чем-то своем. А то все бежишь, сам не зная куда... Я ведь около леса жил, честно говоря, даже где-то соскучился по нему. Воздух такой, что даже голову кружит. Как в армию ушел, разгуливать по лесу как-то не было необходимости. Взять бы жену и...

– Гражданин начальник, – поднял голову Копылов, – передают...

Взяв карандаш, он принялся записывать знаки, затем быстро расшифровал радиogramму и передал ее Романцеву.

«Бобру. Переданные данные о военных эшелонах весьма ценные. Если женщина надежная, установите с ней близкий контакт. Курьер с деньгами и документами прибывает в самое ближайшее время. Для агентуры подбирайте только проверенных людей. Вам будет отправлено 350 тысяч рублей. 250 тысяч используйте на вербовку железнодорожников. Пришлите нам адрес, по которому должен прибыть курьер. Юпитер».

Прочитав радиogramму, Тимофей одобрительно кивнул и произнес:

– Записывай... Юпитеру. Адрес, по которому мы остановились... Московская, семь, квартира четырнадцать. Бобер. Записал?

– Да.

– Можешь передавать. Будем ждать ответа.

Через несколько минут передатчик заработал вновь.

– Отвечают, – сообщил Копылов.

Расшифровав радиограмму, протянул его Романцеву.

«Бобру. Курьер – человек надежный. Пароль – “Привет от свояка”. Отзыв – “Давно вас ждем”. Успехов. Юпитер».

Прочитав сообщение, Тимофей порвал листок на мелкие кусочки и швырнул в траву.

– Все... Сеанс окончен. Чего сидим? На природе хорошо? – едко поинтересовался он. – Сматывай антенну и в машину!

Немного поспешнее, чем следовало бы, Геннадий сорвал с веток антенну, запаковал рацию в ящик, застегнув ее ремнями, и отнес в автомобиль. Контрразведчики стояли подле машины и ждали дальнейших распоряжений. Однако Романцев по какой-то причине не торопился. Чувствовалось, что ему нравится лес, свежий, настоящий на диких травах воздух. Он прошелся вдоль поляны, посмотрел на птиц, слетевших на ветки... Закурил не спеша и, присев на пенек, глубоко задумался.

«Неизвестно, как перевербованный агент поведет себе при встрече с курьером. У него могут просто не выдержать нервы. Даже если встреча внешне будет протекать благополучно, то курьер, если он весьма подготовленный агент, может раскусить контактера по изменившемуся голосу. Можно вместо радиста поставить человека, подготовленного, имеющего опыт в подобных оперативных мероприятиях. Но тут может возникнуть другая сложность: а что, если курьер лично знает радиста? – Раздавив недокуренный окурок каблуком, он решил: – Нужно доложить начальству о своих соображениях, пусть у него голова болит».

Поднявшись, Тимофей зашагал к автомобилю.

Подле него установилась вполне дружеская идиллия. Кто-то из контрразведчиков угостил Копылова папиросой, и тот, небрежно оперевшись о капот, сладко попыхивал дымком. Троица о чем-то негромко разговаривала и весело разлепила губы на реплику, произнесенную младшим лейтенантом, – кажется, у них нашелся даже повод для шуток. Не ведая о том, что один из них перевербованный диверсант, а двое других – охраняющие, можно было бы предположить, что все трое скрашивали вынужденное ожидание веселыми историями из армейской жизни.

– Отойди от капота, продавишь! – строго произнес Романцев. – А теперь быстро в машину... Разговоры они мне тут устроили...

Отшвырнув недокуренную папиросу, Копылов нахмурился:

– Зря вы так, гражданин начальник... Я ведь делаю все, что могу. Может, еще не однажды пригожусь.

– Хватит разговоров! Сейчас я вас отвезу на квартиру, вот там и наговоритесь. А мне еще по делам нужно ехать.

Подъезжая к зданию НКГБ, где размещался городской штаб «СМЕРШа», Романцев увидел «Форд» полковника Утехина, подле которого его личный водитель с каким-то глубоким и затаенным смыслом попинал колеса, а потом, открыв капот, нырнул под него всем телом. Видать, это надолго.

Утехин вышел из здания в тот самый момент, когда Романцев подошел к крыльцу.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – бодро проговорил старший лейтенант. – Я вам звонил, но секретарь сказал, что вы в отъезде.

– Еду в территориальное управление, а потом решил заехать в Люберцы, здесь, в НКГБ, у меня кое-какие дела имеются. Не лишнее и с тобой переговорить. Что там по операции «Связной»?

– Получили радиограмму, курьер должен прибыть со дня на день. Сейчас мы готовим встречу. Вот только здесь имеется одна проблема, – задумчиво изрек Романцев.

Полковник спустился с крыльца и медленно зашагал к машине.

– Докладывай, старший лейтенант, что там за проблема?

– Нам организовать встречу с настоящим радистом, или все-таки вместо радиста должен быть подготовленный оперативник?

– Как ведет себя радист? – спросил полковник, остановившись.

– Поведение Копылова безупречное, – уверенно произнес Тимофей. – Ничего компрометирующего я за ним не заметил. Он всерьез рассчитывает получить прощение от Советской власти.

– Вот что я тебе скажу, старший лейтенант, – развернулся полковник. – Доверять ему еще рановато, поэтому пусть лучше вместо него будет толковый оперативник.

– Все так, – легко согласился Романцев, – но курьер может знать Копылова в лицо, например, они могли закончить одну разведшколу или пересекаться где-то в другом месте.

Водитель предусмотрительно отошел на значительное расстояние, с которого невозможно было услышать конфиденциальный разговор, и аппетитно, слегка прищуривав глаза, смолтил «Казбек». Похоже, что здесь ему нравилось: безлюдность, каковую обычно не встретишь в Москве, свежий воздух, настоящий на прелой хвое, милой выглядела даже дорожная грязь, коей были заполнены все колдобины.

– Тоже верно... Только я не думаю, что твой подопечный представляет для немцев сейчас какой-то большой интерес. Они только готовят его к настоящей и серьезной работе. Проверяют... А для этого достаточно и простых курьеров. Серьезная проверка еще впереди, так что я все-таки склоняюсь к тому, чтобы вместо него был какой-нибудь оперативник.

– А если он все-таки знает радиста?

– Тогда оперативник должен найти какой-то выход.

– Хорошо, – не сумел скрыть своего разочарования Тимофей.

– Не дрейфь, старший лейтенант, – успокоил полковник Утехин. – В случае чего мы его прикроем. Кстати, а кого ты думаешь поставить вместо радиста?

– Сам пойду, – после секундного колебания ответил Романцев.

Полковник широко растянул тонкие губы, показав слегка пожелтевшие от табака зубы:

– Я так и подумал... Теперь не сомневаюсь, что все пройдет удачно.

Попрощавшись, Утехин укатил в территориальное ведомство.

Наблюдение за конспиративной квартирой старший лейтенант организовал в доме напротив. Со второго этажа, с окнами, выходящими на улицу, хорошо просматривались подступы к подъезду и даже лестница, по которой должен будет подниматься курьер. Для страховки в квартире по соседству с оперативной располагалась вооруженная охрана. Если в явочной пойдет что-нибудь не так и ситуация выйдет из-под контроля, курьера можно будет задержать в считанные секунды.

В конспиративной квартире и на наблюдательном пункте были установлены телефоны, так что при необходимости можно было передать информацию о подозрительном визитере заблаговременно.

За прошедшие два дня контрразведчики успели собрать материал на всех жильцов дома, что значительно облегчало работу. За время наблюдения было трое странных гостей. Первым был старший сержант, который с первой же минуты наблюдения показался подозрительным: он вертел головой, высматривал номера домов, ненадолго остановился у подъезда. Для чего-то потоптался у крыльца, будто раздумывал, а стоит ли подниматься, а потом, махнув в сердцах рукой, вошел в затемненный подъезд. О странном визитере Романцеву тотчас позвонили на конспиративную квартиру. Но гость постучался в соседнюю дверь! Вся правда выяснилась через несколько минут. Как оказалось, старший сержант приехал к медсестре, которая вытя-

нула его, тяжело раненного, с поля боя, и судя по тому, что он остался у нее на всю ночь, у молодой пары все развивалось по-серьезному.

Вторым был невзрачный мужичок в серой кепке и чуток великоватом пиджачке. Прежде чем войти в подъезд, он тщательно осмотрелся. Поднявшись на второй этаж, вдруг стремительно спустился вниз. Вел себя нервно, в поступках отсутствовала логика, и он явно привлекал к себе внимание. Оказавшись на улице, тут же затопал прочь быстрым шагом. Было решено его задержать. Едва мужичок миновал угол здания, как оказался в крепких руках оперативников. Прежде чем ему зажали рот он успел выкрикнуть: «Я вам ничего не скажу!» После первого часа допроса выяснилось, что он все-таки не курьер. Проживает в Люберцах без малого лет десять, работает в школе учителем математики и ни в чем таком предосудительном прежде замечен не был. А его необычное поведение воспринималось окружающими как норма, к нему уже давно привыкли. На всякий случай в его квартире провели обыск, но ничего запрещенного обнаружено не было, разве что куча исписанных бумаг, заполненных цифрами и непонятными знаками. Как впоследствии выяснилось, учитель бился над решением сложных математических задач, таких как проблема Гильберта, гипотеза Римана и теорема Ферма. И всерьез полагал, что пришел к их разрешению. Очень опасался похищения иностранными разведками, полагая, что они рассчитывают выведать у него математические знания. Шпионажем здесь и не пахло, налицо психическая клиника.

Третьим подозреваемым оказался майор-танкист. Некоторое время он стоял у подъезда и нервно курил, а потом, смяв полупустую пачку папирос, зло швырнул ее в угол. Правда выяснилась через несколько минут, когда он поднялся на второй этаж, где проживала молодая вдова. Майор, связанный словом, передал ей прощальное письмо своего друга и, испив стакан чая, вскоре покинул квартиру.

Неожиданно прозвенел телефонный звонок; подняв трубку, Тимофей произнес:

– Слушаю.

– Товарищ старший лейтенант, к вашему подъезду подходит капитан авиации, – услышал он голос Сидорчука.

– Как он себя ведет?

– Уверенно. Очень спокойно. Идет так, как будто знает дорогу, даже ни разу не обернулся, не проверился.

– Я тебя понял, – сказал Романцев и положил трубку.

Уверенно, спокойно. Кхм... Именно так и должен действовать хорошо подготовленный диверсант, чтобы не привлекать к себе внимания. Тимофей еще не увидел этого человека, а уже отчетливо почувствовал, что это именно тот персонаж, которого они так ждут. Он еще раз проверил пистолет и спрятал его во внутренний карман. В квартиру позвонили. Приоткрыв дверь, Романцев увидел молодого капитана авиации. К гимнастерке прикручен орден боевого Красного Знамени.

– Митрохины здесь проживают? – спросил капитан, внимательно всмотревшись в Романцева.

– Здесь, – кивнул старший лейтенант.

– Вам привет от свояка.

– Проходите, уже давно вас ждем, – пригласил Тимофей, широко распахивая дверь.

– Вот и ладушки, – расслабленно улыбнулся капитан, – хоть передохнуть немного, а то целый день на ногах.

Прошел. Осмотрелся.

– Весьма милая обстановка.

– Как тебя звать?

– Зови Фрол. Фамилия Столяров.

– Фрол, может, водочки махнешь?

– Водочка – дело хорошее, можно и расслабиться... Но это будет позже, давай сначала о деле поговорим, – присел он за стол.

– Лады, – охотно согласился Тимофей. – Не возражаю. Документы привез?

– А то как же. – Капитан расстегнул планшет, порывшись, извлек небольшой запечатанный конверт. – Они здесь. Можешь посмотреть.

Одобрительно кивнув, Тимофей распечатал конверт и внимательно пролистал каждую бумагу. Паспорт, свидетельства, справки о ранении... Здесь было все, чтобы надолго закрепиться в советском тылу.

– Порядок... А деньги?

– Вот с деньгами некоторая промашка вышла, у меня с собой только тридцать тысяч, – с сожалением ответил Фрол и вытащил из вещмешка небольшой сверток.

– Этого мало, – с недоумением произнес Тимофей. – А где же остальные? Уж не потратил ли? Как я агентуру подкармливать буду?

– Тут вот какое дело получилось... Незадача одна вышла. Документы и вот эти деньги со мной были, а остальная сумма, там большой мешок, на отдельном парашюте сбросили, а его ветром куда-то отнесло. Я его полночи искал, но так и не нашел. Потом опасно стало искать, рассвело. Пришлось уйти.

– Жалко, конечно... – неодобрительно покачал головой Тимофей. – Работа может застопориться, деньги-то у нас все любят!

– Я все понимаю... Не переживай, я здесь на недельку останусь, помогу тебе чем смогу, все-таки вдвоем сподручнее.

– Ты их нарисуешь, что ли? – хмыкнул Романцев.

– А ты не без юмора. Это хорошо! Значит, поладим.

– А где именно тебе сбросили?

– Под Загорском. В лесочек один, рядом с ним озеро. Знаешь, где это место?

– Откуда? Я здесь всего лишь несколько дней. Но хотелось бы познакомиться с окрестностями получше.

– Это нужно, – согласился Фрол, – может, переезжать придется. Ты баб-то сюда водишь? Хата-то ничего, ладная!

– Как-то не до этого было.

– Вот сейчас мы с тобой развернемся. А то я соскучился без женской ласки. Ха-ха!

– А ты веселый, как я погляжу.

– А куда деваться-то? С постной миной жить неинтересно. После того как я тебя сведу с резидентом и мы наладим работу, мне надо вернуться. Вот тогда можно будет рассказать Центру о пропавших деньгах.

– Значит, раньше нельзя передать?

– А этих тридцати тысяч тебе на ближайшее время не хватит, что ли? – хмыкнул Фрол. – О делах немного поговорили, а теперь давай водочки махнем. Закуска у тебя подходящая найдется?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.